СТИВЕН

КИНГ

ПОСЛЕ ЗАКАТА

Стивен Кинг

После заката (сборник)

«АСТ»

2008

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кинг С.

После заката (сборник) / С. Кинг — «АСТ», 2008

ISBN 978-5-17-090501-0

«Команда скелетов», «Ночная смена», «Все предельно»… Сборники рассказов всегда занимали в творчестве Стивена Кинга особое место.«После заката» – «чертова дюжина» историй, каждая из которых может считаться образцом жанра.Тринадцать – хорошее число.Но легко ли вместе с героями Кинга пережить тринадцать встреч со Злом, Тьмой и Ужасом?..

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-090501-0

© Кинг С., 2008
© АСТ, 2008

Содержание

Предисловие 6
Уилла 9
Гретель 24
1 25
2 28
3 31
4 34
5 37
6 40
7 43
8 49
9 53
10 55
11 58
12 62
Сон Харви 63
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Стивен Кинг
После заката

Посвящается Хайди Питлор

Могу представить, что ты там разглядел. Да, все это, конечно, страшно, но в конце-то концов это лишь старая сказка, древняя мистерия… Такие силы нельзя назвать, о них невозможно говорить, их даже нельзя вообразить. Можно лишь пощупать покров, лежащий на них, – символ, понимаемый большинством просто как поэтическая прихоть, а то и глупая сказка. Во всяком случае, мы с тобой уже кое-что знаем о том кошмаре, который обитает в тайных закоулках жизни, скрывшись под человеческой плотью. Он, бесформенный, присвоил чужую форму. Как такое могло случиться, Остин? Нет, как такое может быть? И почему тогда солнце не померкнет, почему не расплавится и не закипит под такой ношей земля?
Артур Мейчен. Великий бог Пан[1]

Stephen King
JUST AFTER SUNSET
© Stephen King, 2008
© Школа перевода В. Баканова, 2010
© Перевод. В. Вебер, 2010
© Перевод. Т. Перцева, 2010
© Перевод. С. Самуйлов, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Предисловие

Introduction

© Перевод. В. Женевский, 2010

Как-то раз в 1972 году я вернулся домой с работы и застал жену за кухонным столом. Перед ней лежали садовые ножницы. Она улыбалась – значит, действительно серьезные неприятности мне не грозили. Но она попросила мой бумажник, а это уже не сулило ничего хорошего.

Так или иначе, я подчинился. Вытащив кредитную карточку топливной компании «Техасо» – в те годы их рассылали почти всем молодым парам, – Тэбби разрезала ее на три части. В ответ на мои возражения – мол, кредитка штука удобная, а нам пока удается выплачивать в конце месяца минимальный взнос (иногда и превышая его) – она лишь покачала головой и сказала, что процентов набегает больше, чем по силам выдержать нашему хрупкому семейному бюджету.

– Лучше не искушать себя, – добавила она. – Свою я уже разрезала.

Так и вышло. Следующие два года мы оба обходились без кредитных карточек.

Тэбби поступила правильно, более того – грамотно, потому что нам тогда едва перевалило за двадцать и надо было чем-то кормить двоих детей; в финансовом плане мы едва сводили концы с концами. Я преподавал в старших классах английский язык, а в каникулы подрабатывал в прачечной, где стирал простыни из мотелей и время от времени развозил чистое белье заказчикам. Тэбби в дневное время сидела с детьми и писала стихи, пока они спали, а когда я возвращался из школы, уходила отрабатывать полную смену в «Dunkin' Donuts». Наших совокупных доходов хватало на оплату жилья, питание и подгузники для маленького сына, но вот телефон мы содержать уже не могли, и в итоге его постигла судьба кредитных карточек. Слишком велик был соблазн звонить родным в другие города. У нас оставалось достаточно на книги – без них мы оба не представляли жизни – и мои вредные привычки (пиво и сигареты), но не более того. Так что вряд ли нам пристало выкладывать денежки за привилегию носить в кармане полезный, но в конечном счете коварный кусочек пластика.

Остатки средств обычно уходили на вещи вроде ремонта машины, врачебных услуг и того, что мы с Тэбби называли «детской дребеденью»: игрушки, манеж, эти невыносимые книжки Ричарда Скэрри… Здесь нас часто выручали рассказы, которые мне удавалось сбыть в мужские журналы – «Cavalier», «Dude», «Adam» и так далее. В те годы меня не занимало, творю ли я настоящую литературу, а разговоры о том, уготована ли моим произведениям «долгая жизнь», казались не меньшей роскошью, чем кредитки от «Техасо». В этих рассказах – когда их получалось продать, а так выходило не всегда – я видел прежде всего дополнительный источник дохода. Для меня каждый из них был как *пиньята*[2], только колотил я по ним не палкой, а своей фантазией. Иногда они разбивались, и мне перепадало несколько сотен баксов. Бывало и наоборот.

К счастью – а поверьте, тогда я вел необычайно счастливую жизнь, во многом лучше теперешней, – эта работа еще и приносила мне радость. Большинство рассказов я создал в припадке вдохновения, получая нешуточное удовольствие от процесса. Они выпрыгивали на бумагу один за другим, как рок-хиты из жерла радиостанции, которая всегда играла в прачечной, превратившейся для меня в рабочий кабинет.

Я работал быстро, без передышки, редко занимаясь правкой после завершения второго наброска, и мне даже в голову не приходило задуматься, откуда берутся сюжеты или чем струк-

[2] Мексиканская народная забава: участники с завязанными глазами пытаются разбить палкой фигуру животного, чтобы получить приз в виде конфет и т. п. – *Здесь и далее примеч. пер.*

тура хорошего рассказа отличается от структуры романа, или как учесть динамику развития персонажей, предысторию и временные рамки. Я бил наугад, полагаясь исключительно на свою интуицию и мальчишескую самоуверенность. Поток не иссякал, а остальное меня не волновало. Других поводов для волнения и не было. Естественно, у меня и мысли не возникало, что создание рассказов – хрупкий навык, который без постоянного применения выветривается. Тогда эта хрупкость не заявляла о себе, и каждая история была для меня сродни бульдозеру.

В Америке большинство популярных романистов рассказов не пишут. Вряд ли дело в деньгах: коммерчески успешным авторам о таких вещах задумываться не надо. Скорее причина в том, что у мастеров крупной формы начинается своего рода клаустрофобия, когда у них нет и семидесяти тысяч слов на разгон. Или, быть может, искусство миниатюризации теряется само собой. В жизни много вещей вроде езды на велосипеде, но создание рассказов не из их числа. Забыть, как это делается, легче легкого.

В конце восьмидесятых и в девяностые я писал все меньше и меньше рассказов, а те, что все-таки писал, становились все длиннее и длиннее (парочка таких вошла и в эту книгу). Это еще ничего. Но были рассказы, за которые я не садился, потому что надо было заканчивать очередной роман, а это уже совсем не радовало – прописавшись на задворках моего сознания, заброшенные идеи просто умоляли, чтобы их перенесли на бумагу. Некоторым в конце концов повезло; другие, увы, сгинули без следа, будто пыль на ветру.

Что хуже всего, были и третьи – я совершенно не представлял, с какой стороны к ним подступиться, и это угнетало. Несомненно, мне не составило бы труда написать их в той прачечной или на миниатюрной «Оливетти» жены, однако теперь, когда я немолод, отточил мастерство и разжился куда более дорогими инструментами – вроде «Макинтоша», на котором пишу эти строки, – эти истории никак не давались мне. Помню, запоров одну из них, я представил стареющего оружейника, который с тоской смотрит на изящный толедский клинок и думает: «А ведь я тоже умел такие делать».

И вот три или четыре года назад мне пришло письмо от Катрины Кенисон, координатора серии «Лучшие рассказы Америки» (позже ее сменила на этом посту Хайди Питлор, которой посвящается эта книга). Миссис Кенисон интересовало, как я отношусь к тому, чтобы выступить редактором антологии 2006 года. Мне не понадобилось откладывать решение на следующий день, даже на послеобеденную прогулку. Я сразу же ответил согласием – по многим причинам, в том числе альтруистическим, и все же я буду последним лгуном, если не признаю, что мной руководили и корыстные мотивы. Размышлял я примерно так: если начитаться побольше рассказов, с головой погрузиться в лучшие образцы малой прозы, публикуемые в американских литературных журналах, то, может быть, мне удастся хотя бы частично вернуть ускользающее чувство легкости. И не в том дело, что без журнальных гонораров – скромных, но очень своевременных, когда только-только начинаешь новый роман – я не смог бы купить новый глушитель на автомобиль или подарок для жены. Просто бумажник, набитый кредитками, не казался мне достойной компенсацией за утраченную способность писать рассказы.

За год редакторской работы я прочел несколько сотен рассказов, но здесь распространяться о них не буду; если вам интересно, купите книгу и ознакомьтесь с предисловием (заодно вам перепадет два десятка первоклассных историй, а это не абы что). Важнее, что я снова вошел в азарт и стал писать рассказы как прежде. Мне хотелось на это надеяться, но по-настоящему поверить в такую возможность я даже не осмеливался. Первой из «новых» историй стала «Уилла»; она и открывает этот сборник.

Можно ли назвать эти рассказы удачными? Надеюсь. Помогут ли они вам скоротать утомительный перелет (если вы читаете) или долгую автомобильную поездку (если слушаете аудиокнигу)? Очень надеюсь, потому что в таких случаях приходит в действие своего рода магия.

Я писал их с наслаждением, это факт. И надеюсь, вам понравится их читать. Надеюсь, они увлекут вас. И пока я буду помнить, как это делается, будут появляться новые истории.

Ах да, вот еще что. Знаю, некоторым читателям интересно, как и для чего появился на свет тот или иной рассказ. Если вы принадлежите к их числу, то мои «заметки на полях» ждут вас в конце книги. Если заберетесь туда раньше, чем прочтете сами рассказы, стыд вам и позор.

Ну а теперь не буду вам мешать. Но прежде чем удалиться, я хотел бы поблагодарить вас за то, что пришли. Занимался бы я тем, чем занимаюсь, если бы не было вас? Да, несомненно. Я чувствую себя счастливым, когда слова складываются в картинки, а выдуманные люди делают вещи, которые доставляют мне удовольствие. Но с тобой все-таки лучше, Постоянный Читатель.

С тобой всегда лучше.

Сарасота, штат Флорида 25 февраля 2008 года

Уилла

Willa

© Перевод. В. Женевский, 2010

Ты не видишь дальше собственного носа, сказала она. И слегка перегнула палку. Может, во многом он заслуживал ее насмешек, но кое-что все-таки видел. И вот теперь, когда небо над хребтом Уинд-Ривер подернулось померанцевой рыжиной, Дэвид окинул станцию взглядом и понял – Уиллы здесь нет. Да откуда мне знать, одернул он себя, однако так думала только его голова – у занывшего вдруг желудка имелось другое мнение.

Он пошел искать Лэндера, который относился к Уилле с симпатией. Когда она проворчала, что «Амтрак», из-за которого они торчат в этом захолустье, не лучше кучи дерьма, старик сказал: языкастая девка. Большинству было на нее плевать, чем бы там ни провинился «Амтрак».

– Тут несет черствыми крекерами! – крикнула Хелен Палмер, когда Дэвид поравнялся с ней.

Она снова пробралась к излюбленной скамейке в углу. Сейчас за ней присматривала женщина по фамилии Райнхарт, дав ее мужу небольшую передышку. Она улыбнулась Дэвиду.

– Вы не видели Уиллу? – спросил Дэвид.

Миссис Райнхарт с прежней улыбкой покачала головой.

– А на ужин у нас рыба! – прогремела Хелен Палмер. Во впадинке у нее на виске пульсировал клубок голубых жилок. Люди стали оборачиваться. – Час от ч-часу не легче!

– Тише, Хелен! – шикнула миссис Райнхарт. Ее могли бы звать Салли, хотя такое имя Дэвид точно запомнил бы – Салли в последнее время попадаются нечасто. Теперь над миром властвуют всевозможные Эмбер, Эшли и Тиффани. Уилла – еще один вымирающий вид. При этой мысли у него опять похолодело в желудке.

– Крекерами! – бушевала Хелен. – Старыми вонючими крекерами!

Генри Лэндер сидел на скамейке под часами, обняв жену за талию. Взглянув на Дэвида, он покачал головой.

– Ее здесь нет. Такие дела. Если ушла в город, тебе еще повезло. Могла и слинять потихоньку. – И он многозначительно поднял большой палец.

Вряд ли невеста Дэвида подалась бы на запад без него, в такое он верить отказывался. А вот в то, что ее здесь не было… Он почуял ее отсутствие, даже не успев всех пересчитать. В памяти всплыла строчка из какого-то старого рассказа или стихотворения о зиме: «И пустоты крик, в сердце гулкий крик»[3].

Станция представляла собой узкую дощатую горловину. По всей ее длине под флуоресцентными лампами прохаживались люди. Другие с опущенными плечами сидели на скамейках – такую позу можно встретить только в подобных местах, где пассажирам приходится терпеливо ждать, пока возникшие невесть откуда проблемы кто-нибудь устранит и можно будет продолжить путешествие. По собственной воле в городки вроде Кроухарт-Спрингс, штат Вайоминг, наведываются немногие.

– Не вздумай ее искать, Дэвид, – сказала Рут Лэндер. – Уже темнеет, а здесь полно всякой живности. И я не про койотов. Тот хромой книготорговец сказал, что видел на той стороне полотна, возле пакгауза, парочку волков.

– Биггерс, – уточнил Генри. – Его зовут Биггерс.

– Да мне-то что, хоть Джек Потрошитель, – буркнула Рут. – Я это к чему: ты уже не в Канзасе, Дэвид.

---

[3] Строчки из стихотворения американского поэта Джона Кроу Рэнсома (1888–1974) «Воспоминания о зиме».

– Но если она…

– Она ушла еще до заката, – перебил его Генри Лэндер.

Будто при свете дня волк (или медведь) не станет нападать на беззащитную женщину. Хотя как знать. Дэвид был банковским служащим, а не специалистом по дикой природе. И он был молод.

– Если придет аварийный состав, а ее здесь не будет, она останется здесь.

У него никак не получалось довести до их сознания эту простую мысль. «Не контачило», как выражались ребята из чикагского офиса.

Генри поднял брови:

– Хочешь сказать, если вы оба опоздаете на поезд, будет чем-то лучше?

Если они оба опоздают, то либо поедут на автобусе, либо дождутся следующего состава. Лэндеры не могли этого не понимать. Или все-таки?.. Их усталость бросалась в глаза. Перед Дэвидом сидела пара измученных людей, временно застрявших в краю ковбойских комбинезонов. Но кого вообще заботит судьба Уиллы? Если она сгинет на просторах Высоких равнин, кто еще о ней вспомнит, кроме Дэвида Сэндерсона? Ее здесь даже недолюбливали. Эта стерва Урсула Дэвис однажды заявила ему, что если бы мать Уиллы вовремя убрала из ее имени последнюю букву, «оно подходило бы ей куда больше».

– Схожу в город, поищу ее, – решил он.

Генри вздохнул.

– Сынок, ты совершаешь большую глупость.

– Мы ведь не сможем пожениться в Сан-Франциско, если она останется в Кроухарт-Спрингс, – возразил он, надеясь обратить все в шутку.

Мимо проходил Дадли. Дэвид не знал, имя это или фамилия – знал только, что Дадли занимал должность в компании «Стейплс» и направлялся в Миссулу на какое-то региональное совещание. Обычно Дадли держался тихо, поэтому ослиное ржание, которым он огласил вечерние тени, не просто удивляло – шокировало.

– Если поезд придет и вы на него не успеете, – сказал он, – можете разыскать мирового судью и оформить брак прямо здесь. А когда вернетесь на восток, будете рассказывать друзьям, что у вас была настоящая ковбойская свадьба. Иииии-аааа, братишка!

– Лучше не надо, – вновь подал голос Генри. – Мы здесь надолго не задержимся.

– И что, мне ее тут бросить? Ересь какая-то.

Он отошел, пока Лэндер и его жена не нашлись с ответом. На соседней скамейке Джорджия Эндрисон смотрела, как ее дочь в красном дорожном платьице скачет по грязному плиточному полу. Пэмми Эндрисон словно и не знала, что такое усталость. Дэвид попытался вспомнить, видел ли ее хоть раз спящей с тех пор, как их поезд сошел с рельсов возле железнодорожного узла Уинд-Ривер и они застряли здесь как никому не нужная посылка на заброшенной почте. Кажется, один раз видел – у матери на коленях. Впрочем, это могло быть и ложное воспоминание, порожденное уверенностью, будто пятилетним детям полагается много спать.

Пэмми бесенком скакала с плитки на плитку, превратив пол станции в гигантские классики. Из-под красного подола выглядывали пухлые коленки.

– Жил-был один парень, его звали Бадом, – вывела она на тягучей высокой ноте, от которой у Дэвида заныли пломбы. – Он шел и упал, и шлепнулся задом. Жил-был один парень, его звали Дэвид. Он шел и упал, и поранил свой бэвид.

Она захихикала и показала пальчиком на Дэвида.

– Пэмми, а ну-ка прекрати! – цыкнула на нее Джорджия Эндрисон и, одарив Дэвида улыбкой, откинула с лица набежавшую прядь.

В этом жесте проглядывала невероятная усталость. Он подумал, что с такой резвуньей дорога покажется вдвое длинней, особенно если учесть отсутствие на горизонте мистера Эндрисона.

– Видели Уиллу? – спросил он.

– Вышла.

Она показала на табличку над дверью: «К ОСТАНОВКЕ РЕЙСОВЫХ АВТОБУСОВ И ТАКСИ. ЗАБЛАГОВРЕМЕННО БРОНИРУЙТЕ ГОСТИНИЧНЫЕ НОМЕРА ПО БЕСПЛАТНОМУ ТЕЛЕФОНУ».

К нему подковылял Биггерс.

– А вот я без хорошей винтовки нос бы наружу не показывал. Здесь водятся волки. Сам видел.

– Жила одна тетя, ее звали Уилла, – пропела Пэмми, – от головной боли таблеточки пи́ла. – И она с хохотом повалилась на пол.

Биггерс – книготорговец – не стал дожидаться его ответа и захромал дальше. Его тень то вырастала, то сжималась в свете флуоресцентных ламп.

В проеме двери с табличкой скучал Фил Палмер, страховой агент на пенсии. Они с супругой направлялись в Портленд. Там им предстояло какое-то время погостить у старшего сына и его жены, однако Палмер по секрету рассказал Уилле и Дэвиду, что Хелен скорее всего уже никогда не вернется на восток. Ее одновременно подтачивали рак и болезнь Альцгеймера. Уилла брякнула что-то насчет «два по цене одного». Когда Дэвид упрекнул ее в черствости, она посмотрела на него, открыла рот, но в конце концов лишь мотнула головой.

Палмер, как обычно, спросил:

– Эй, сучок, есть бычок?

На что Дэвид, как обычно, ответил:

– Я не курю, мистер Палмер.

И в ответ традиционное:

– А я на всякий случай.

Дэвид ступил на бетонированную платформу, где пассажиры дожидались автобуса до Кроухарт-Спрингс. Палмер нахмурил брови.

– Не советовал бы, мой юный друг.

С другой стороны станции, где полынь и ракитник вплотную подобрались к путям, послышался вой. Это могла быть большая собака, но не обязательно. К первому голосу присоединился второй. Слившись в единой гармонии, они стали удаляться.

– Дошло, о чем я, красавчик? – И Палмер ухмыльнулся, словно концерт был устроен по его заказу.

Дэвид повернулся и начал спускаться по ступенькам; ветер трепал на нем куртку. Он шел быстро, боясь передумать, но по-настоящему тяжело дался только первый шаг. Потом его подстегивали мысли об Уилле.

– Дэвид, – позвал Палмер уже без всякой шутливости в голосе. – Не надо.

– С какой стати? Она ведь ушла. И вообще, волки вон там. – Он показал большим пальцем через плечо. – Если это они.

– Да кто же еще, они самые. Ну допустим, они тебя и не тронут – думаю, в это время года им хватает прокорма. Вот только какая нужда вам обоим застревать в этой Богом забытой дыре только из-за того, что ей вдруг захотелось городской шумихи?

– Вы, кажется, не понимаете – она же моя девушка.

– Позволь поведать тебе одну неприятную истину, друг мой: если бы она и в самом деле считала себя твоей девушкой, то не поступила бы подобным образом. Ты так не думаешь?

Дэвид помолчал, запутавшись в собственных мыслях. Из-за того, наверное, что не видел дальше собственного носа. Так сказала Уилла. Наконец он повернулся и поднял взгляд на Фила Палмера.

– По-моему, не годится бросать невесту в такой глуши. Вот как я думаю.

Палмер вздохнул.

– Вот пускай один из этих любителей отбросов цапнет тебя за задницу. Может, поумнеешь. Малышке Уилле Стюарт ни до кого нет дела, и не замечаешь этого один ты.

– Если попадется круглосуточный магазинчик, взять вам пачку сигарет?

– А почему бы, чтоб тебя, и нет? – проворчал Палмер.

Дэвид зашагал по безлюдной стоянке, которую пересекала надпись «МАШИНЫ НЕ ПАРКОВАТЬ. МЕСТА ДЛЯ ТАКСИ». Вдруг старик крикнул:

– Дэвид!

Он обернулся.

– Автобус будет только завтра, а до города три мили. Так написано на стенке информационного киоска. Если туда и обратно, получается шесть миль. Пешком. Это как минимум два часа, а ведь тебе еще надо ее найти.

Дэвид в знак понимания поднял руку и пошел дальше. С гор дул ветер, и довольно холодный, но ему нравилось, как тот треплет его легкую куртку и взъерошивает волосы. Поначалу он выглядывал по обеим сторонам дороги волков, но вскоре мысли вернулись к Уилле. Вообще после второй или третьей их встречи его ум редко был занят чем-нибудь другим.

Ей не хватало городской шумихи, здесь Палмер попал в точку, вот только Дэвид сомневался, что Уилла думает только о себе. На самом деле ей просто надоело торчать на станции с кучкой старых пердунов, которым лишь бы побрюзжать о том, как они не успеют туда, как опоздают сюда и так далее. Скорее всего городок ничего особенного собой не представлял, но там теоретически можно было поразвлечься, и это перевесило для нее риск, что подарочек от «Амтрака» придет в ее отсутствие.

Ну и куда же ее занесло в поисках развлечений?

Конечно же, в Кроухарт-Спрингс, где железнодорожный вокзал ютится чуть ли не в сарае, который может похвастаться лишь надписью «ВАЙОМИНГ – ШТАТ РАВНОПРАВИЯ»[4] красной, белой и синей краской на зеленой стене, нет ночных клубов в полном смысле слова. Ни клубов, ни дискотек, а вот бары – другое дело. В один из них она, видимо, и заглянула. Хоть как-то разгонит скуку.

Наступила ночь, и небо от востока до запада ковром с тысячами блесток усыпали звезды. Между двумя горными пиками выглянул, да там и остался полумесяц, озарив полоску шоссе и прилегавшие пустоши больничным светом. На станции ветер лишь посвистывал в застрехах, а здесь в воздухе стоял странный гул. Дэвиду вспомнилась занудная песенка Пэмми Эндрисон.

Он шел, прислушиваясь, не приближается ли к станции поезд. Поезда не было; но когда ветер на минуту стих, послышалось отчетливое «цок-цок-цок». Обернувшись, он увидел на разделительной линии автострады 26, шагах в двадцати от себя, волка. Размерами зверь едва уступал теленку, шкура у него была свалявшаяся, как мех шапки-ушанки. В свете звезд шерсть казалась почти черной, глаза – желтыми, цвета мочи. Увидев Дэвида, волк ощерился и запыхтел, как маленький локомотив.

Времени на испуг не оставалось. Дэвид сделал шаг к волку, хлопнул в ладоши и крикнул:

– А ну пшел отсюда! Пшел, пшел!

Волк поджал хвост и дал стрекача, оставив на асфальте дымящуюся кучку. Дэвид позволил себе ухмылку, но подавил смех, чтобы не искушать понапрасну судьбу. Вместе со страхом навалилось непонятное, отрешенное. Он подумал, не сменить ли имя на «Вольф Перрипугер». Для банкира в самый раз.

На сей раз Дэвид все-таки не удержался от смеха. Он зашагал дальше, то и дело поглядывая через плечо. Волк не возвращался. Зато вернулась уверенность, что рано или поздно издалека донесется пронзительный свисток поезда; тогда вагоны с путей уберут, и заскучавшие

[4] Вайоминг первым из американских штатов предоставил женщинам избирательное право.

пассажиры – Палмеры, Лэндеры, хромой Биггерс, неугомонная Пэмми и все прочие – отправятся дальше.

Ну и что с того? «Амтрак» придержит их багаж в Сан-Франциско; уж в этом на них можно положиться. А они с Уиллой поищут местный автовокзал. В «Грейхаунде» наверняка слыхали о существовании Вайоминга.

Наткнувшись на пустую банку из-под «Будвайзера», он стал пинать ее перед собой, пока вконец не смял и не зашвырнул в кусты. Пока Дэвид решал, лезть за ней или нет, до его ушей донеслась еле слышная музыка – басовые риффы и плач стил-гитары[5], при звуках которой ему всегда представлялись слезы из жидкого хрома. Даже в самых веселых песнях.

Сейчас она сидела там и слушала эту музыку. И вовсе не потому, что поблизости не нашлось других заведений – просто место было подходящее. Дэвид это чувствовал. Он оставил банку в покое и зашагал на звук стил-гитары, поднимая кроссовками клубы пыли, которую тут же уносил ветер. Вскоре послышался стук ударных, затем показалась красная неоновая стрела под вывеской с цифрами 26. Ничего удивительного. Это ведь автострада 26, так что для хонки-тонка[6] название вполне логичное.

Перед баром располагались две стоянки. Одна была заасфальтирована и до отказа забита пикапами и легковушками, в основном подержанными и американского производства. На другой, посыпанной гравием, натриевые лампы заливали белым сиянием ряды дальнобойных фур. Теперь Дэвид отчетливо различал партии соло- и ритм-гитары. На козырьке красовалась вывеска: «ТОЛЬКО СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ – «СОШЕДШИЕ С РЕЛЬСОВ»! ВХОД $5. ИЗВИНИТЕ».

«Сошедшие с рельсов», – подумал он. Да, группу она нашла подходящую.

Пятерка у него имелась, но вестибюль пустовал. За дверью виднелась деревянная танцевальная площадка, битком набитая танцующими парочками, одетыми в основном в джинсы с ковбойскими ботинками и самозабвенно тискавшими друг другу ягодицы под звуки «Столько дней, прошедших зря». Музыканты играли громко, слезливо и, насколько мог судить Дэвид Сэндерсон, исправно попадали в ноты. В ноздри ударил запах пива, пота, дешевого одеколона и духов из «Уол-Марта». Смех и гул разговоров – даже лихие выкрики с дальней стороны площадки – словно явились из снов, которые снятся каждую ночь в переломные моменты жизни: снится, что ты пришел неготовым на важный экзамен, или очутился голым посреди толпы людей, или откуда-то падаешь, или тебя занесло в какой-то странный город, и ты бежишь без оглядки навстречу своей судьбе.

Дэвид подумал, не убрать ли пятерку обратно в бумажник, но все-таки просунул голову в окошко кассы и оставил деньги на столе – пустом, если не считать пачки «Лаки-страйк» и романа Даниэлы Стил в мягкой обложке. Затем он прошел в главный зал.

«Сошедшие с рельсов» заиграли что-то веселенькое, и молодежь дружно задергалась, как панки на концерте. Слева посетители постарше выстроились в две линии по дюжине или около того человек в каждой и пустились в пляс. Оглядевшись, Дэвид сообразил, что на самом деле танцевали в один ряд. Всю дальнюю стену занимало зеркало, из-за чего площадка казалась в два раза больше.

Где-то разбился стакан.

– Братишка, а платить-то тебе! – крикнул солист.

Его слова сорвали аплодисменты. Когда в крови бурлит текила, подумал Дэвид, и не такое кажется верхом остроумия. «Сошедшие с рельсов» тем временем устроили инструментальный перерыв.

---

[5] Электрогитара без корпуса с широким грифом. Играют на ней, поместив ее на колени или на подставку.

[6] Дешевый провинциальный бар с музыкальными развлечениями.

Над барной стойкой, имевшей форму подковы, висел неоновый красно-бело-синий контур хребта Уинд-Ривер; похоже, в Вайоминге к этой гамме питали особую страсть. Еще одна неоновая вывеска, переливавшаяся теми же цветами, гласила: «ТЫ В КРАЮ ГОСПОДНЕМ, БРАТИШКА». Слева от нее красовался логотип «Будвайзера», справа – «Корз». Перед стойкой в несколько рядов толпились люди. Трое барменов в белых рубашках и красных жилетах орудовали шейкерами, словно шестизарядными револьверами.

Зал был размером со здоровенный амбар – сейчас в нем гудело не меньше пяти сотен человек, – но у Дэвида не возникло сомнений, где искать Уиллу. Мой талисман всегда со мной, подумал он, проталкиваясь через толпу ковбоев и еле удерживаясь, чтобы не заплясать вместе с ними.

За баром и танцплощадкой располагалась небольшая полутемная зала с высокими кабинками. Почти во всех набилось по дружеской компании – со жбаном-другим пива для подкрепления сил; благодаря зеркалу каждая четверка удваивалась до восьмерки. И лишь в одной кабинке еще было куда пристроиться. Там в одиночестве сидела Уилла; ее закрытое платье в цветочек казалось неуместным среди «ливайсов», джинсовых юбок и рубашек с перламутровыми пуговицами. Стол перед ней пустовал – ни выпивки, ни еды.

Сначала Уилла его не увидела, заглядевшись на танцующих. Лицо ее раскраснелось, уголки рта прореза́ли глубокие морщинки. Здесь она выглядела совершенно чужой, но никогда Дэвид не любил ее больше, чем в эту минуту. Девушка, застывшая на грани улыбки.

– А, Дэвид, – сказала она, когда он протиснулся в кабинку. – Я надеялась, что ты придешь. Даже рассчитывала. Отличные ребята, правда? Такие шумные!

Из-за музыки ей приходилось чуть ли не кричать, но он чувствовал, что ей нравится и это. Мельком взглянув на него, она снова уставилась на танцплощадку.

– Да, ребята что надо, – согласился он. И не покривил душой. Он и сам ощущал, как что-то в нем откликается на музыку – несмотря на вернувшуюся потихоньку тревогу. Теперь, когда Уилла нашлась, у него снова был на уме только чертов поезд. – Солист прямо как Бак Оуэнс.

– Да? – Она с улыбкой посмотрела на него. – А кто такой Бак Оуэнс?

– Да не важно. Пора возвращаться на станцию. Если только ты не хочешь застрять тут еще на несколько дней.

– А что, это идея. Мне здесь нра… ух ты, смотри!

Над площадкой описал дугу стакан, блеснув на миг золотом и зеленью в лучах цветных прожекторов, и где-то вне поля видимости разлетелся вдребезги. Послышались одобрительные возгласы и даже аплодисменты. Уилла тоже захлопала в ладоши, но Дэвид заметил, что парочка накачанных парней с надписями «Охрана» и «Порядок» на футболках уже пробираются к предположительному месту запуска снаряда.

– В таких местах четыре драки за вечер это еще мало, – заметил Дэвид. – Плюс еще одна потасовка за счет заведения ближе к закрытию.

Уилла рассмеялась и пистолетиками наставила на него указательные пальцы.

– Здорово! Хочу на это посмотреть!

– А я хочу вернуться с тобой на станцию. Если тебе вздумается походить по барам в Сан-Франциско, то обязательно выберемся. Обещаю.

Она выпятила нижнюю губу, откинула со лба рыжеватые волосы.

– Это уже будет не то… Ну ты же понимаешь. В Сан-Франциско, наверное, в барах подают… ну, я не знаю… какое-нибудь вегетарианское пиво.

На сей раз расхохотался он. Вегетарианское пиво – это даже смешнее, чем банкир по имени Вольф Перрипугер. И все же тревога не отставала от него. Уж не отсюда ли и смех?

– Мы вернемся после короткого перерыва, – объявил солист, вытирая пот со лба. – А вы пейте до дна и не забывайте – с вами Тони Вильянуэва и «Сошедшие с рельсов».

– Пора надеть хрустальные туфельки и откланяться, – сказал Дэвид, взял ее за руку и стал вылезать из кабинки. Уилла не сдвинулась с места, но и руки его отпускать не стала, и Дэвид опять уселся за стол, чувствуя легкий прилив паники. Теперь ему стало понятно, как чувствует себя рыба, угодившая на крючок: вам уже не сорваться, мистер Окунь, так что добро пожаловать на берег, брюшком вверх… И снова этот взгляд – те же убийственно голубые глаза, те же морщинки в уголках рта, наметившие легкую улыбку… Уилла – девушка, читающая романы по утрам и стихи ночью… Девушка, полагающая теленовости – как она выразилась? – «слишком эфемерными».

– Гляди, – произнесла она, обратив лицо к зеркалу.

В зеркале Дэвид увидел приятную молодую пару с восточного побережья, почему-то застрявшую в Вайоминге. В своем ситцевом платье Уилла смотрелась получше его, но, кажется, так будет всегда. Вопросительно подняв брови, он перевел взгляд на оригинал.

– Нет, посмотри еще раз, – настояла она. Морщинки никуда не делись, но теперь она была серьезна – насколько позволял бушевавший вокруг разгул. – И подумай о том, что я тебе говорила.

С его губ едва не сорвалось: «Ты говорила мне о многом, и я постоянно об этом думаю», однако это был бы типичный ответ влюбленного – милый, но по сути бессмысленный. И поскольку Дэвид все-таки понял, к чему она клонит, он без лишних слов снова посмотрел в зеркало. На сей раз посмотрел по-настоящему – и не увидел никого. Перед его глазами была единственная пустая кабинка в «26». Он перевел взгляд на Уиллу, как громом пораженный… и все же, странное дело, не особенно удивленный.

– Ты хотя бы задумывался, как может привлекательная особа женского пола сидеть тут в гордом одиночестве, когда все ходит ходуном? – спросила она.

Он покачал головой. Нет, не задумывался. Он вообще о многом не задумывался – по крайней мере до этой минуты. Например, когда он в последний раз ел или пил. Или сколько сейчас времени, или когда успело зайти солнце. Он даже не знал, что именно с ними произошло. Просто «Северная стрела» сошла с рельсов, и вот теперь они сидят здесь и слушают кантри-группу, которая по какому-то совпадению называется…

– Я пинал пивную банку, – сказал он. – По дороге сюда я пинал банку.

– Да, – согласилась она, – а когда посмотрел в зеркало, сначала увидел нас. Ощущения – это еще не все, но вот если сложить их с ожиданиями… – Она подмигнула Дэвиду и поцеловала в щеку, прижавшись грудью к его плечу. Ощущения ощущениями, а это было нечто восхитительное – живое, теплое прикосновение. – Дэвид, бедняжка. Прости меня. Но ты молодчина, что пришел. Если честно, я не ожидала.

– Надо вернуться и рассказать остальным.

Она поджала губы.

– Зачем?

– Затем, что…

К их кабинке направились двое мужчин в ковбойских шляпах, ведя под руки двух хохочущих девиц в джинсах, ковбойках и с косичками. Когда они подошли поближе, на лицах у всех возникло одно и то же озадаченное – хотя и не совсем испуганное – выражение, и компания поспешила ретироваться к бару. Они чувствуют наше присутствие, подумал Дэвид. Будто дуновение сквозняка. Вот во что мы превратились.

– Затем, что так будет правильно.

Уилла рассмеялась. В голосе ее прорезалась усталость.

– Ты напоминаешь мне того старичка, что рекламировал овсянку по телевизору.

– Милая, но ведь они все еще ждут поезда!

– А может, он и вправду придет? – Внезапная свирепость Уиллы его немного огорошила. – Ну, тот, о котором поют в песнях – евангельский поезд на небеса, куда ни картежникам, ни кутежникам не пробраться…

– Сомневаюсь, что у «Амтрака» налажено сообщение с раем, – возразил он, надеясь ее рассмешить, но Уилла с угрюмым видом уставилась на свои руки. Вдруг его осенило: – Тебе известно что-то еще? Что-то, чего им лучше не говорить? Я прав?

– Не понимаю, зачем нам вообще утруждать себя, если можно просто остаться здесь, – ответила она. Не проскользнула ли в ее голосе раздраженная нотка? Кажется, да. О существовании такой Уиллы он даже и не подозревал. – Может, ты и чуточку близорук, Дэвид, но ты все-таки пришел, и за это я тебя люблю. – Она снова его поцеловала.

– А знаешь, я ведь встретил волка, – сказал он. – Я хлопнул в ладоши, и он убежал. Теперь думаю, не сменить ли имя на Вольф Перрипугер.

Какое-то мгновение она таращилась на него с отвисшей челюстью, и у Дэвида промелькнула мысль: чтобы по-настоящему удивить женщину, которую я люблю, нам обоим сначала пришлось умереть. Потом Уилла откинулась на мягкую спинку и захохотала во все горло. Проходившая мимо официантка с грохотом выронила поднос, уставленный пивными бутылками, и смачно выругалась.

– Вольф Перрипугер! – сквозь смех выговорила Уилла. – Я буду тебя так называть в постели! «О, Вольф Перрипугер, какой ты у меня большой! Какой волосатый!»

Официантка глядела на пенящееся месиво, не переставая чертыхаться, как моряк в портовой пивнушке… и держалась при этом на почтительном расстоянии от пустой кабинки.

– А думаешь, у нас теперь получится? Ну, заниматься любовью? – спросил Дэвид.

Уилла смахнула слезы:

– Ощущения плюс ожидания, не забыл? Вместе они горы могут свернуть. – Она взяла его за руку. – Я по-прежнему люблю тебя, а ты – меня. Разве нет?

– Не будь я Вольф Перрипугер! – Пока ему еще шутилось, так как мозг Дэвида не желал верить, что его хозяин мертв. Взглянув еще разок в зеркало, он увидел их обоих. Потом только себя – рука сжимала пустоту. Потом вообще ничего. И все же… он до сих пор дышал, чувствовал запах пива, виски и духов.

К официантке подбежал уборщик и принялся ей помогать.

– Точно в яму ухнула, – буркнула она.

После смерти Дэвид такого услышать не ожидал.

– Ладно, я все-таки пойду с тобой, – сказала Уилла, – но торчать на станции с этими занудами не намерена. Здесь куда лучше.

– Договорились.

– А кто такой Бак Оуэнс?

– Я тебе про него расскажу, – заверил Дэвид. – И про Роя Кларка тоже. Только сперва объясни, что еще тебе известно.

– Мне, в общем, до них и дела нет. Но Генри Лэндер славный. И его жена.

– Фил Палмер тоже неплохой человек.

Она сморщила нос.

– Фил Болтофил.

– Так что тебе известно, Уилла?

– Ты и сам поймешь, просто гляди в оба.

– А не проще было бы, если бы ты…

Видимо, нет. Вдруг она привстала и показала на сцену:

– Гляди! Музыканты возвращаются!

* * *

Когда они с Уиллой, взявшись за руки, вышли на автостраду, луна уже стояла высоко. Ума не приложить, как так получилось – они прослушали всего две песни из второй части программы, – но луна как ни в чем не бывало светила посреди черноты, подернутой блестками. Это тревожило Дэвида, но не так сильно, как еще одно обстоятельство.

– Уилла, – сказал он. – Какой сейчас год?

Она задумалась. Ветер трепал ее платье, презрев различия между живыми и мертвыми женщинами.

– Точно не помню, – ответила она наконец. – Странно, да?

– При том, что я не могу вспомнить, когда в последний раз обедал или держал в руках стакан воды? Да не очень-то. Ну а если наугад? Быстро, не задумываясь?

– Тысяча девятьсот… восемьдесят восьмой?

Дэвид кивнул. Сам он назвал бы восемьдесят седьмой.

– У одной девушки на футболке было написано «Средняя школа Кроухарт-Спрингс, выпуск 2003». И если учесть, что ей уже разрешают находиться в таких местах…

– …то 2003 год был как минимум три года назад.

– Вот и я о том же. – Он встал как вкопанный. – Уилла, но не может же сейчас быть 2006 год, правда? Двадцать первый век?

Не успела она ответить, как послышалось клацанье когтей по асфальту. На сей раз за ними трусила целая стая из четырех волков. Самый большой, вожак, был Дэвиду уже знаком – такую лохматую шкуру ни с чем не спутаешь. Сейчас его глаза горели ярче. В каждом, словно лампа на дне колодца, плавало по полумесяцу.

– Они нас видят! – с восторгом закричала Уилла. – Видят, Дэвид!

Она встала коленом на белую полоску разметки и вытянула руку, зацокав языком:

– Сюда, малыш! Ко мне, ко мне!

– Уилла, лучше не надо.

Она пропустила его слова мимо ушей. В этом вся Уилла. У нее обо всем свои представления. Это она предложила поехать в Сан-Франциско на поезде, потому что ей хотелось узнать, каково это – трахаться в скоростном экспрессе, особенно если вагон немного раскачивается.

– Ну же, малыш, иди к мамочке!

Большой волк подбежал поближе, за ним потрусили самка и двое… как их там называют – годовиков? Зверь поднес морду (ну и зубищи!) к вытянутой руке, и луна залила желтые глаза серебряным блеском. Но вдруг, не успел его нос коснуться кожи Уиллы, волк пронзительно затявкал и отскочил назад – так резко, что встал на дыбы, молотя передними лапами воздух и обнажив белое, точно плюшевое, брюхо. Его семейство кинулось врассыпную. Самец перекувыркнулся в воздухе и с поджатым хвостом припустил в заросли, не переставая визжать. Остальные бросились за ним.

Уилла встала и посмотрела на Дэвида с такой неизбывной горечью, что он уставился себе под ноги.

– Так вот для чего ты не дал мне дослушать музыку и вытащил в эту темень? – спросила она. – Чтобы показать, кем я стала? Да будто я сама не знаю.

– Уилла, мне очень жаль.

– Пока еще нет, но скоро будет. – Она снова взяла его за руку. – Пойдем, Дэвид.

Он отважился поднять глаза.

– Ты не сердишься на меня?

– Чуть-чуть… но у меня теперь есть только ты, и я тебя уже не отпущу.

Вскоре после встречи с волками Дэвид заметил на обочине банку из-под «Будвайзера». Он почти не сомневался, что это ее пинал перед собой, пока не закинул за обочину. И вот она лежала на прежнем месте… потому, разумеется, что на самом деле к ней никто и не притрагивался. Ощущения – это еще не все, сказала Уилла, но вот если сложить их с ожиданиями… тогда получится штука, которую называют разумом.

Он зашвырнул банку в придорожные заросли. Через несколько шагов Дэвид обернулся. Банка лежала там же, где и раньше – где какой-то ковбой выбросил ее из окна пикапа. Может, на пути в «26». Ему вспомнилось старое шоу с Баком Оуэнсом и Роем Кларком, где пикапы называли ковбойскими «кадиллаками».

– Чему ты улыбаешься? – поинтересовалась Уилла.

– Потом расскажу. Времени у нас, если я все правильно понимаю, будет вдоволь.

Они стояли, взявшись за руки, перед станцией Кроухарт-Спрингс, точно Гензель и Гретель перед пряничным домиком. В лунном свете зеленая постройка казалась пепельно-серой, и хотя Дэвид знал, что слова «ВАЙОМИНГ – ШТАТ РАВНОПРАВИЯ» намалеваны красной, белой и синей краской, сейчас это мог быть любой цвет. В глаза ему бросился листок бумаги под пластиком, прикрепленный к одному из столбов на крыльце. В дверях, как и прежде, маячил Фил Палмер.

– Эй, сучок! – крикнул старик. – Есть бычок?

– Нет, мистер Палмер, извините, – ответил Дэвид.

– Если не ошибаюсь, кто-то обещал захватить для меня пачку.

– Магазинов по дороге не попалось.

– А там, где ты пропадала, сигарет не продавали, куколка? – полюбопытствовал Палмер.

Он принадлежал к той породе мужчин, что всех молоденьких женщин называют куколками – об этом говорил сам его вид. А если вас угораздит оказаться в его компании в знойный августовский день, он вытрет лоб и пояснит вам, что духота не из-за жары, а из-за влажности.

– Да, продают, – отозвалась Уилла, – но вряд ли у меня получилось бы их купить.

– И почему же, прелесть моя?

– А вы как думаете?

Вместо ответа Палмер сложил руки на цыплячьей груди. Из здания донеслись крики его жены:

– А на ужин у нас рыба! Час от ч-часу не легче! Фу, терпеть не могу эту вонь! Чертовы крекеры!

– Мы умерли, Фил, – произнес Дэвид. – Призракам сигарет не продают.

Несколько секунд Палмер молча смотрел ему в глаза. Прежде чем он разразился смехом, Дэвид успел почувствовать: старик не просто ему поверил – он давно уже все знал.

– Как только передо мной не оправдывались, когда забывали об обещаниях, – ухмыльнулся Палмер, – но за такое я дал бы специальный приз.

– Фил…

Крики изнутри:

– На ужин рыба! Ух, чтоб тебя!

– Простите, ребятки, – сказал старик. – Труба зовет.

И ушел. Дэвид обернулся к Уилле, ожидая услышать от нее заслуженное: «А чего ты хотел?», однако ее внимание было приковано к листку на столбе.

– Погляди-ка, – позвала она. – Что ты видишь?

Сначала из-за лунных бликов на пластике он вообще ничего не увидел. Тогда Дэвид встал на месте Уиллы.

– Сверху напечатано «СБОР ПОЖЕРТВОВАНИЙ ЗАПРЕЩЕН ПО ПРИКАЗУ ШЕРИФА ОКРУГА САБЛЕТТ», потом примечание мелким шрифтом… всякая дребедень… а внизу…

Она чувствительно ткнула его локтем.

– Хватит валять дурака. Приглядись, Дэвид. У меня нет желания торчать тут всю ночь.

Не видишь дальше собственного носа.

Отвернувшись, он уперся взглядом в железнодорожные пути, поблескивавшие в лунном свете. За ними возвышался вулканический меловой холм с плоской верхушкой. Столовая гора, как в старых вестернах Джона Форда. Так-то, братишка.

Дэвид снова уставился на листок. И как только злой и страшный банкир Вольф Перрипугер Сэндерсон мог спутать «Проход» со «Сбором пожертвований»?

– «ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН ПО ПРИКАЗУ ШЕРИФА ОКРУГА САБЛЕТТ», – прочел он.

– Замечательно. А что под «всякой дребеденью»?

Поначалу две нижние строчки показались Дэвиду набором невнятных символов – возможно, его разум, не желая верить в очевидное, просто не сумел найти безобидного перевода. Тогда он снова взглянул на пути – и без особого удивления отметил, что рельсы уже не поблескивают в темноте: металл давно проржавел, между шпалами пробивалась трава. Дэвид обернулся. Станция превратилась в покосившуюся развалюху с заколоченными окнами, от кровли почти ничего не осталось. С асфальта, который теперь изобиловал трещинами и выбоинами, исчезла надпись «МАШИНЫ НЕ ПАРКОВАТЬ. МЕСТА ДЛЯ ТАКСИ». На стене здания все еще виднелись слова «ВАЙОМИНГ – ШТАТ РАВНОПРАВИЯ», но и они обратились в бледные тени. Прямо как мы, подумал Дэвид.

– Ну давай же, – произнесла Уилла. Уилла, у которой обо всем были свои представления, которая всегда видела, что у нее под носом, и заставляла увидеть тебя, не боясь показаться жестокой. – Считай, это твой последний экзамен. Прочти две последние строчки, и пойдем отсюда.

Он вздохнул.

– Тут написано: «Здание предназначено под снос». Ниже: «Начало работ – июнь 2007 года».

– Сдал. Ну а теперь давай выясним, не хочется ли еще кому-нибудь послушать «Сошедших с рельсов». Я даже знаю, чем утешить Палмера: хоть сигарет мы покупать и не можем, зато с людей вроде нас никто не потребует платы за вход.

Вот только в город никто идти не хотел.

– Да что она хочет этим сказать? Как это – умерли? Зачем она говорит такие ужасные вещи? – спросила Рут Лэндер, и по-настоящему Дэвида убил (если можно так выразиться) не упрек в ее голосе, а выражение, мелькнувшее в глазах, прежде чем она уткнулась лицом в вельветовую куртку Генри.

Она тоже все знала.

– Рут, – начал он, – я вовсе не хочу вас расстраивать…

– Тогда прекрати! – раздался приглушенный вскрик.

Все, кроме Хелен Палмер, смотрели на него с враждебностью и злобой. Хелен беспрестанно кивала и о чем-то бубнила то своему мужу, то женщине, которую могли бы звать Салли. Люди небольшими кучками столпились в свете флуоресцентных ламп… но стоило Дэвиду моргнуть, как лампы исчезли. Теперь от пассажиров остались одни силуэты, смутно проступавшие в рассеянном лунном свете, сочащемся сквозь бреши в заколоченных окнах. Лэндеры сидели не на скамейке, а прямо на пыльном полу, возле россыпи пузырьков от крэка. Да, похоже, крэк добрался и до края Джона Форда… На одной из стен виднелся выцветший круг.

Тут Дэвид опять моргнул, и флуоресцентные лампы вернулись на свои места. Как и большие круглые часы…

– Тебе лучше уйти, Дэвид, – проронил Генри Лэндер.

– Ну послушайте хотя бы минутку, Генри, – вмешалась Уилла.

Генри перевел взгляд на нее, не скрывая неприязни. От его прежней симпатии к Уилле Стюарт не осталось и следа.

– И слушать не желаю, – выговорил он. – Вы расстраиваете мою жену.

– Во-во, – встрял в разговор толстый молодой парень в бейсболке «Сиэтл маринерс». Кажется, его зовут О'Кейси, подумал Дэвид. Ну или еще какая-то ирландская фамилия с апострофом. – Лучше умолкни, детка!

Уилла склонилась над Генри, и тот чуть отодвинулся, словно у нее плохо пахло изо рта.

– Я позволила Дэвиду притащить меня сюда только потому, что это здание хотят снести! Слыхали о строительной груше, Генри? Вы неглупый человек, должны понимать, что это такое.

– Пусть она прекратит! – сдавленно вскрикнула Рут.

Уилла подалась еще ближе к Генри, глаза на ее узком миловидном лице так и сверкали.

– И когда все закончится, когда самосвалы развезут прочь груду дерьма, которая когда-то была железнодорожной станцией – этой самой! – что тогда будет с вами?

– Оставь нас в покое, прошу тебя, – произнес Генри.

– Генри… как сказала архиепископу девица из кордебалета, отрицаловка – это не река в Египте[7].

Урсула Дэвис, которая невзлюбила Уиллу с первого взгляда, отделилась от остальных.

– Пошла на хер, сучка! От тебя одни проблемы.

Уилла резко обернулась.

– Неужели никто из вас не понял? Вы умерли… мы все умерли, и чем дольше вы остаетесь на одном месте, тем труднее потом будет уйти куда-то еще!

– Она права, – сказал Дэвид.

– Ну-ну, а если бы она ляпнула, что луна сделана из сыра, ты бы и сорт назвал, – хмыкнула Урсула. Это была высокая, устрашающе красивая женщина лет сорока. – Прости за мой французский, но ты у нее так засел под каблуком, что даже не смешно.

Дадли опять разразился ослиным ревом, миссис Райнхарт захлюпала носом.

– Вы расстраиваете пассажиров, – подал голос Рэттнер, коротышка-проводник с вечно виноватым лицом.

Обычно он был тихоней. Дэвид моргнул; перед глазами снова мелькнул образ залитой лунным светом станции, и стало видно, что у Рэттнера отсутствует половина черепа. Оставшаяся часть лица обгорела до черноты.

– Да, скоро это здание пойдет под снос, и вам некуда будет деваться! – закричала Уилла. – Никуда… мать вашу! – Она размазала кулаками злые слезы. – Ну что мешает вам пойти с нами в город? Мы покажем вам дорогу. Там хотя бы есть люди… и свет… и музыка.

– Мам, хочу музыку, – заныла малышка Пэмми.

– Ш-ш! – уняла ее мать.

– Если бы мы умерли, мы бы об этом знали, – заметил Биггерс.

– А он дело говорит, сынок, – поддержал его Дадли, подмигнув Дэвиду. – Ну так что с нами стряслось-то? Как мы вообще умерли?

– Я… не знаю, – ответил Дэвид и перевел взгляд на Уиллу.

Та лишь пожала плечами.

---

[7] В английском языке слово *denial* («отрицание») созвучно сочетанию *the Nile* («река Нил»), на чем основана известная игра слов.

– Ну видите? – продолжил Рэттнер. – Поезд сошел с рельсов. Такое случается… э-э-э, я хотел сказать «постоянно», но на самом деле все не так, даже в этом районе, хотя железнодорожную систему тут нужно серьезно реконструировать, потому что время от времени на некоторых узлах…

– Мы па-а-авали, – раздался голосок Пэмми. Приглядевшись к ней, Дэвид на мгновение увидел обгорелый безволосый трупик в истлевших лохмотьях. – Быдым, быдым, быдым. А потом…

Она издала рокочущий горловой звук и развела чумазые ладошки, что на детском языке жестов могло означать только взрыв. Пэмми хотела сказать что-то еще, но мать вдруг ударила ее наотмашь по лицу, да так, что показались зубы, и изо рта потекла струйка слюны. Пару мгновений Пэмми оторопело таращилась на нее, потом завыла на одной пронзительной ноте, перекрыв все свои прежние достижения в невыносимости.

– Что я тебе говорила насчет вранья, Памела?! – завопила Джорджия Эндрисон, вцепившись девочке в плечо – да так крепко, что пальцы вдавились в плоть.

– Она не врет! – крикнула Уилла. – Поезд сошел с рельсов и рухнул в овраг! Теперь я вспомнила и вы тоже! Ведь правда? Правда? Да у вас на лице все написано! На вашем поганом лице!

Не глядя в ее сторону, Джорджия Эндрисон показала Уилле средний палец. Другой рукой она продолжала трясти Пэмми – взад и вперед, взад и вперед. Дэвид видел то ребенка, то обугленный труп. Почему начался пожар? Теперь он вспомнил, как поезд улетел в овраг, но откуда взялось пламя? В памяти ничего не осталось. Или, быть может, он не очень-то и хотел вспоминать.

– Что я тебе говорила насчет вранья? – не унималась Джорджия Эндрисон.

– Врать нехорошо, мамочка! – сквозь рев выговорила Пэмми.

Мать потащила ее в неосвещенную часть зала. На какое-то время все замолчали, слушая непрекращающийся визг. Наконец Уилла повернулась к Дэвиду.

– Ну как? Достаточно?

– Да, – ответил он. – Пойдем.

– Делай ноги, раз сильно надо, не хлопни дверью себя по заду! – посоветовал заметно оживившийся Биггерс, чем вызвал у Дадли очередной приступ ослиного смеха.

Уилла потащила Дэвида к выходу. В дверях по-прежнему стоял, скрестив руки на груди, Фил. Дэвид сбросил руку Уиллы и подбежал к Хелен Палмер – та сидела в углу и раскачивалась. Она подняла на него безумные глаза.

– А на ужин у нас рыба, – еле слышно прошептала старуха.

– Насчет этого вам лучше знать, – сказал он, – но вот с запахом вы попали в точку. Старые вонючие крекеры… – Он оглянулся. Из пронизанного лунными лучами полумрака, который при сильном желании можно было принять за флуоресцентный свет, на него с Уиллой смотрели десятки глаз. – Такой запах появляется в заброшенных помещениях, когда они долго пустуют.

– Лучше иди отсюда, приблуда, – проговорил Фил Палмер. – Твои теории тут никому не нужны.

– Да понял я, – произнес Дэвид и вышел вслед за Уиллой в ночь, навстречу лунному свету. Вдогонку ему унылым осенним шелестом неслось:

– Час от ч-часу не легче!

Дэвид отмахал за ночь девять миль, но ни капельки не устал. Наверное, призраки не ведают усталости, как и голода с жаждой. Да и сама ночь была уже не та, что прежде. В небе, словно новенький серебряный доллар, сияла полная луна, а стоянка перед баром опустела. На гравийной дорожке стояло несколько фур, у одной полусонно урчал двигатель и горели допол-

нительные фары. Вывеска на козырьке сменилась: «В ВЫХОДНЫЕ ВЫСТУПАЮТ «КОЗОДОИ». ПРИВОДИ ПОДРУЖКУ, ВЫПЕЙ ХОТЬ КРУЖКУ».

– Какая прелесть, – сказала Уилла. – Приведешь меня, Вольф Перрипугер? Я ведь твоя подружка?

– Моя, приведу, – ответил Дэвид. – Только что нам теперь делать? Хонки-тонк закрыт.

– Зайдем внутрь, что же еще.

– Двери-то заперты.

– Пока мы не захотим иного. Ощущения, не забыл? Ощущения плюс ожидания.

Дэвид не забыл. Он потянул на себя дверь, и та отворилась. К знакомым запахам теперь примешивался приятный сосновый аромат какого-то чистящего средства. Стена опустела, на барной стойке выстроились ножками вверх табуретки, однако неоновый контур хребта Уинд-Ривер до сих пор горел – то ли хозяева всегда его так оставляли, то ли сказались ожидания Уиллы и Дэвида. Больше было похоже на второе. Танцплощадка, отражаясь в зеркалах, казалась сейчас необъятной. В отполированных глубинах мерцали вверх тормашками неоновые горы.

Уилла глубоко втянула воздух.

– Пахнет духами и пивом, – объявила она. – Гремучая смесь. Очаровательно.

– А ты еще очаровательней, – сказал Дэвид.

Она повернулась к нему.

– Тогда поцелуй меня, ковбой.

Он поцеловал ее на краю площадки. Судя по кое-каким признакам, на любовное продолжение вечера все-таки можно было рассчитывать. Вполне.

Уилла поцеловала его в уголки рта и отстранилась.

– Бросишь четвертак в музыкальный автомат, ладно? Мне хочется танцевать.

Он подошел к автомату на дальнем конце барной стойки, сунул в прорезь монетку и выбрал песню под номером D19 – «Столько дней, прошедших зря» в исполнении автора, Фредди Фендера. Тем временем на стоянке некто Честер Доусон, устроившийся вздремнуть на пару часов, прежде чем повести фуру с грузом электроники дальше в Сиэтл, недоуменно поднял голову, но решил, что музыка ему приснилась, и вернулся к своему занятию.

Дэвид с Уиллой медленно двигались в танце по пустой площадке, то появляясь в длинном зеркале, то пропадая.

– Уилла…

– Ш-ш-ш. Твоя крошка еще не натанцевалась.

Притихший Дэвид зарылся лицом в ее волосы и отдался музыке. Ему подумалось, что теперь они останутся здесь навсегда, и время от времени люди будут их видеть. Бар даже может заработать славу места с привидениями, но скорее всего этого не случится: когда люди пьют и веселятся, им обычно не до призраков – не считая тех, кто пьет в одиночку. Может, иногда перед закрытием у бармена и последней задержавшейся официантки (у самой главной, которая распределяет чаевые) будет появляться чувство, будто за ними наблюдают. Иногда им будет чудиться музыка или чье-то отражение в зеркалах. Наверное, их могло занести и куда-нибудь получше, но и «26» не так уж плох. Здесь допоздна полно людей. И всегда звучит музыка.

Что, интересно, станется с остальными, когда чугунный шар разнесет их мираж вдребезги? А ведь это обязательно произойдет. Уже скоро. Дэвид представил, как Фил Палмер бросится закрывать свою перепуганную, вопящую благим матом жену от падающих обломков, которые ничем не смогут ей навредить, поскольку ее там, по сути, и нет. Представил, как Пэмми Эндрисон в ужасе прижмется к кричащей матери. Как слова Рэттнера, тихони-проводника, потонут в реве больших желтых машин. Как хромой Биггерс вприпрыжку пустится к выходу, но споткнется, а его хрупкий мирок рухнет под напором чугунного маятника и рычащих бульдозеров.

Ему хотелось думать, что еще до катастрофы за ними приедет поезд, родившийся из их общих надежд, но по-настоящему он в это не верил. Его даже посетила мысль, что от страшного потрясения они все просто угаснут, как пламя свечи на ветру, но не верилось и в это. Слишком четко стояла перед глазами картинка: бульдозеры, самосвалы и погрузчики наконец уехали, и вот они стоят в лунном свете у давно заброшенных путей, а ветер дует с гор, свистит в расщелинах и приминает высокую траву. Сгрудившись под бескрайним звездным небом, они все ждут и ждут своего поезда…

– Тебе холодно? – спросила Уилла.

– Нет, а почему ты спрашиваешь?

– Ты дрожишь.

– Может, кто-то прошелся по моей могиле.

Он закрыл глаза, и танец продолжился. Иногда они появлялись в зеркале, а когда пропадали, оставалась лишь старая песня, что звучала в пустом зале, освещенном сиянием неоновых гор.

Гретель

The Gingerbread girl
© Перевод. А. Ахмерова, 2010

1
Только быстрый бег

После смерти маленькой дочки Эмили пристрастилась к бегу. Сперва добегала до конца подъездной аллеи и там сгибалась пополам, ловя воздух ртом, затем до конца квартала, затем до мини-маркета «Продукты от Коузи» у подножия холма. В мини-маркете она брала хлеб, маргарин и, если в голову больше ничего не приходило, шоколадное поленце «Хо-хо» или круглый «Ринг-динг» с замороженным кремом. Обратный путь Эмили поначалу преодолевала спокойным шагом, потом тоже бегом. Со временем она отказалась от сладостей. Далось это на удивление тяжело: во-первых, сахар был отличным антидепрессантом, универсальной палочкой-выручалочкой, во-вторых, у нее выработалась настоящая сахарная зависимость. В любом случае поленцам «Хо-хо» следовало сказать пока-пока. Поленца канули в Лету: теперь хватало одного бега. Генри называл бег новой зависимостью, новой святыней и, пожалуй, не ошибался.

– Что об этом говорит доктор Штайнер? – поинтересовался он.

– Говорит, бегай сколько душе угодно, пусть эндорфины вырабатываются! – соврала Эмили, которая мало того, что не обсуждала новую святыню со Сьюзен Штайнер, вообще не была у нее после похорон Эми. – Для твоего спокойствия она готова написать «бег» на рецептурном бланке.

Лгать мужу Эмили умела всегда. Даже после смерти Эми. «Родим второго», – спокойно заявила она, присев на краешек кровати, на которой Генри свернулся калачиком и беззвучно глотал слезы.

Генри это утешило, и слава богу, только Эмили рожать больше не планировала: разве можно, если есть шанс в один прекрасный день обнаружить малыша посеревшим и неподвижным? Нет, хватит с нее искусственного дыхания с непрямым массажем сердца, от которых нет проку, хватит дежурных операторов 911, истошно орущих: «Не кричите, мэм, я вас не понимаю!» Но Генри об этом знать не обязательно, Эмили старалась успокоить мужа, по крайней мере поначалу. Она искренне верила, что всему голова – покой, а вовсе не хлеб. Возможно, когда-нибудь покой обретет и сама Эмили, но факт остается фактом: она родила больного ребенка, поэтому снова рисковать не собиралась.

Вскоре начались головные боли, жуткие, как мигрень. Тогда Эмили действительно обратилась к врачу, но не к Сьюзен Штайнер, а к доктору Мендесу, терапевту. Мендес прописал какой-то золмитриптан. На прием к Мендесу Эмили отправилась на автобусе, потом добежала до аптеки, чтобы купить лекарство, а потом – до дома. Получился кросс на две мили. На финише у подъездной аллеи Эмили казалось, что в правый бок, между верхним ребром и подмышечной впадиной, воткнули стальную вилку. Только она не расстроилась: физическая боль пройдет. Зато она устала и чувствовала, что сможет немного поспать.

Спала Эмили весь день и добрую половину вечера. На той самой кровати, где была зачата Эми и рыдал Генри. Когда проснулась, перед глазами расплывались круги – предвестники «Мигреней от Эм» – так она называла приступы головной боли. Эмили выпила новую таблетку, и, к ее вящему удивлению, боль сперва отступила куда-то в затылок, а потом исчезла вообще. «Жаль, от смерти ребенка таблетки не изобрели!» – с досадой подумала Эмили.

Она решила исследовать границы своей выносливости, подозревая, что исследование предстоит долгое. Недалеко от дома был колледж, а вокруг него – гаревые дорожки для бега. Туда она и стала ездить каждое утро, проводив мужа на работу. Генри страсти к бегу не понимал. Трусца – да, пожалуйста, трусцой бегают миллионы женщин. И приятно, и жировые валики исчезают, и живот подтягивается. Правда, у Эм валиков не имелось, и трусца ей не помогала. Помогал только быстрый бег.

Эмили ставила машину у дорожки и бегала до полного изнеможения, пока безрукавка с символикой университета штата Флорида не темнела от пота и спереди, и сзади, пока ноги не переставали слушаться и не подкатывала дурнота.

Генри узнал. Кто-то из соседей засек одинокую бегунью, в восемь утра наматывающую круги на дорожке, и настучал ему. Завязался спор, вылившийся в ссору, которая разрушила семью.

– Это хобби, – сказала она.

– Джоди Андерсон говорит, ты носилась по дорожке, пока не упала. Джоди испугалась, что у тебя сердечный приступ. Эм, это не хобби, не фетиш, а самая настоящая зависимость! – Генри укоризненно поглядел на нее.

Вскоре после этого Эмили швырнула в него книгу, но жирную точку на семейной жизни поставил именно тот укоризненный взгляд. У нее лопнуло терпение: длинное лицо Генри вкупе с застывшим взглядом делали его похожим на барана. «Господи, я выскочила замуж за безрогого барана, и теперь он блеет сутки напролет!»

Тем не менее Эмили попыталась в последний раз рационально подойти к явлению, в котором, как она подозревала, рациональное начало отсутствовало в принципе. Существует же магическое мышление, значит, существуют и магические действия. Например, бег.

– Марафонцы бегают, пока не упадут, – сказала она.

– Ты собираешься участвовать в марафоне?

– Возможно.

Эмили отвела взгляд и посмотрела в окно на подъездную аллею. Аллея звала и манила на улицу, а улица – в большой мир.

– Нет, – покачал головой Генри, – ни о каком марафоне ты не мечтаешь. Дело вовсе не в этом.

«Вот она, сущность Генри, его гребаная квинтэссенция!» – подумала Эмили, с мрачным торжеством осознавая очевидное. Все шесть лет их брака он как книгу читал ее чувства, планы и намерения.

«Я утешала тебя. – Эмили уже начинала злиться. – Ты лежал на кровати, рыдал, а я тебя утешала!»

– Бег – классическая реакция на душевную боль, психологический ответ на стресс, – серьезным, почти менторским тоном произнес Генри. – Это так и называется – условная реакция избегания. Милая, не прочувствовав боль, ты никогда не сможешь…

Тут Эмили и схватила первый подвернувшийся под руку предмет, которым оказалась «Дочь хранителя тайны» в мягкой обложке. Книгу Ким Эдвардс Эмили так и не осилила, зато Генри, судя по закладке, уже проглотил три четверти. «Даже литературные вкусы у него как у безрогого барана!» – раздраженно подумала Эмили, швырнула книгу и попала ему в плечо. Генри взглянул на нее круглыми от потрясения глазами и попытался схватить за руку. Вероятно, он собирался обнять и успокоить, но кто знает? Кто знает наверняка хоть что-нибудь?

Чуть больше проворства – Генри поймал бы ее за локоть, запястье или хотя бы за рукав футболки. Но ее выпад сильно обескуражил его. Генри промахнулся, а она пустилась бежать, притормозив, только чтобы схватить поясной кошелек со столика у входной двери. Бегом по подъездной аллее, скорее на улицу, быстрее вниз по холму! Совсем недолго довелось Эмили прогуливаться там с коляской вместе с другими матерями, которые теперь ее сторонились. Однако сегодня она не то что останавливаться, даже скорость сбавлять не собиралась. В футболке с надписью «Поддержите группу поддержки!», шортах и кроссовках на босу ногу Эмили мчалась навстречу миру. Она надела поясной кошелек, застегнула и понеслась по склону. Что она чувство вала?

Эйфорию, самый настоящий кайф.

Эмили бежала по городу (две мили за двадцать две минуты); если загорался красный, она не останавливалась, а бежала на месте. На углу Мэйн и Истерн-стрит мимо проехали два парня на «мустанге» с откидным верхом (погода была как раз подходящая). Один засвистел, и Эмили показала наглецу средний палец. Наглец расхохотался, зааплодировал, и «мустанг» помчался по Мэйн-стрит.

Денег с собой было в обрез, зато имелась пара кредиток. Особенно порадовало наличие «Американ экспресс», ведь с ней можно получить дорожные чеки.

Эмили поняла: домой она не собирается, по крайней мере в ближайшие дни. Понимание принесло не грусть, а облегчение, и у нее мелькнула мысль, что эта мера не временная.

В отель «Моррис» она заглянула, чтобы позвонить, но, поддавшись порыву, решила в нем заночевать. Можно снять номер на одну ночь? Да, конечно. Она протянула администратору свой «Амекс».

– Посыльный вам, видимо, не понадобится, – проговорил он, многозначительно глядя на ее футболку и шорты.

– Я уезжала в спешке.

– Поня-атно… – протянул администратор тоном, из которого следовало обратное.

Эмили схватила ключ и быстро зашагала к лифту, с трудом подавляя желание побежать.

2
Судя по голосу, ты плачешь

Ей хотелось купить одежду: пару юбок, пару блузок, двое джинсов и шорты, но до шопинга следовало позвонить Генри и отцу в Таллахасси. Начать решила с отца. Телефон автопарка, где он работал, Эмили не помнила, зато номер сотового знала наизусть. Отец ответил после первого же гудка.

– Привет, Эм, как ты? – закричал он под аккомпанемент рева моторов.

Щекотливый на первый взгляд вопрос в тупик не поставил.

– Пап, со мной все нормально. Я в отеле «Моррис», потому что, кажется, ушла от Генри.

– Навсегда, или это пробный шар? – уточнил отец.

Ни капли удивления в голосе: он воспринимал новости спокойно, что очень нравилось Эмили. Рев моторов стал тише, а потом заглох. Эмили представила, как папа входит в кабинет, закрывает дверь и, вероятно, берет ее портрет с заваленного всяким хламом стола.

– Трудно сказать, но пока возвращаться не думаю.

– Из-за чего поссорились?

– Из-за бега.

– Из-за бега?

– Ну, не только, – вздохнула Эмили. – Порой одно на деле означает совсем другое, понимаешь? Или целые слои совсем другого.

– Из-за ребенка, – заключил отец.

Со дня внезапной смерти внучки он называл ее не Эми, а просто «ребенок».

– Да, а еще из-за того, как я справляюсь с горем. Очевидно, совсем не так, как хотелось бы Генри, а вот мне вздумалось поступить по-своему.

– Генри – хороший парень, но да, собственные взгляды у него имеются. Как же иначе?

Эмили промолчала.

– Я могу чем-то помочь?

– Да, – сказала Эмили и объяснила, чем именно.

Отец согласился. Эмили знала, что он согласится, но сперва выслушает ее историю до конца. Ей очень хотелось выговориться, а старый Расти Джексон слушать умел. Иначе он вряд ли превратился бы из рядового автомеханика в одного из самых важных людей университетского городка (в этом Эм уверяли другие, сам отец не стал бы хвастать ни перед дочерью, ни перед кем-то еще).

– Я пришлю Мариэтту прибраться в доме, – сказал он.

– Пап, не надо, я в состоянии прибраться сама.

– Нет, там давно нужна генеральная уборка. Чертов дом закрыт почти целый год. С тех пор как умерла твоя мама, на Вермиллион-Ки я почти не выезжаю: в Таллахасси всегда дел невпроворот.

Покойную жену, равно как и маленькую внучку, Расти по имени не называл. После похорон (Дебра Джексон умерла от рака яичников) она превратилась в «твою маму».

«Ты точно не возражаешь?» – едва не вырывалось у Эм, но такие вопросы задают, когда просят об одолжении посторонних, ну или когда с отцом другие отношения.

– Ты бегать там собираешься? – поинтересовался Расти, и Эмили поняла, что он улыбается. – Пляжи на Вермиллионе бесконечные, плюс длинный участок хорошей дороги. Толкаться не придется: теперь до самого октября отдыхающих не будет. Тишина и покой!

– Я собираюсь там думать. Подумаю и, вероятно, поставлю точку на скорби по Эми.

– Вот и хорошо, – отозвался отец. – Забронировать тебе билет?

– Пап, я сама справлюсь.

– Разумеется, справишься. Эм, ты точно в порядке?

– Да.

– Судя по голосу, ты плачешь.

– Да, немного. Все случилось слишком быстро! – пожаловалась она, вытерла лицо и чуть не добавила: «Совсем как смерть Эми». Бедная крошка проявила себя маленькой леди: из «радионяни» не донеслось и слабого писка. «Уходи тихо, дверью не хлопай», – нередко слышала Эмили от мамы, особенно в подростковом возрасте.

– Генри ведь не заявится в отель и не станет тебе докучать?

Перед словом «докучать» Расти замялся буквально на секунду, но Эмили паузу расслышала и улыбнулась, хотя по щекам вовсю текли слезы.

– Тебя интересует, не поколотит ли меня Генри? Нет, это не в его стиле.

– Когда уходит жена, и не просто уходит, а бегом сбегает, волей-неволей изменишь своему стилю.

– Генри не такой, – возразила Эмили. – Он скандалить не станет.

– Может, сначала заглянешь в Таллахасси?

Она замялась. С одной стороны, ей хотелось, но с другой…

– Если честно, мне нужно немного побыть одной. Все случилось слишком быстро, – повторила она, хотя подозревала: сегодняшний взрыв назревал давно, возможно, даже таился в ДНК их брака.

– Ну хорошо. Эм, я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, папа! Спасибо. – Она нервно сглотнула. – Огромное спасибо.

* * *

Генри действительно не стал скандалить, даже не поинтересовался, откуда она звонит, и лишь сказал: «Вероятно, тайм-аут нужен не только тебе, он пойдет на пользу нам обоим».

Эмили подавила желание, нормальное и одновременно абсурдное, поблагодарить мужа. Разумнее было промолчать, и следующая фраза Генри подтвердила правоту ее решения:

– И к кому ты обратилась за помощью? К королю автопарка?

На сей раз Эмили подавила желание спросить, не звонил ли Генри любимой мамочке: тактика «зуб за зуб» редко дает хорошие результаты.

– Я собираюсь на Вермиллион-Ки, – с подчеркнутым спокойствием объявила она. – У папы там дом.

– Избушка из ракушек! – фыркнул Генри, и Эмили мысленно нарисовала себе его усмешку.

Дома с тремя комнатами и без гаража Генри всерьез не воспринимал, равно как и бисквитные пирожные «Твинки» с шоколадными поленцами «Хо-хо».

– Ладно, доберусь – позвоню, – бросила она.

Повисла тишина. Эмили представила, как Генри стоит в кухне, прислонившись к стене, сжимает трубку так, что костяшки побелели, и пытается совладать с гневом ради шести лет их в основном счастливого брака. Эми надеялась, что у него получится (конечно, если она попала в точку со своими фантазиями).

– Кредитки взяла? – осведомился Генри вполне спокойным, но усталым голосом.

– Да, но транжирить деньги не собираюсь. Мне нужна лишь моя половина… – Эмили осеклась и закусила губу. Надо же, едва не назвала бедную малышку «ребенком». Разве это правильно? Возможно, отцу это подходит, но самой ей так нельзя! Эмили начала снова: – Мне нужна половина отложенного на колледж Эми. Наверное, там немного, но…

– Больше, чем ты думаешь, – перебил Генри, в голосе которого снова зазвучало разочарование. Копить на колледж ребенка они начали не когда родилась Эми и даже не когда забере-

менела Эмили, а когда они окончательно решили обзавестись потомством. Попытки воплотить решение в жизнь растянулись на четыре года. Супруги уже подумывали о лечении от бесплодия и усыновлении, но тут мечта осуществилась. – Иначе как блестящими наши инвестиции не назовешь, особенно в акции производителей софта. Мы, как говорится, оказались в нужном месте в нужное время. Эмми, ты ведь не намерена залезать в ту кубышку?!

Ну вот, Генри опять указывает, чего можно хотеть, а чего – нет.

– Доберусь – сразу сообщу адрес, – процедила Эмили. – Со своей половиной поступай, как заблагорассудится, а на мою выпиши чек.

– Все бегаешь, – проговорил Генри, и Эмили промолчала, хотя менторски-профессорский тон мужа пробудил горячее желание швырнуть в него еще одну книгу, на сей раз в твердом переплете. – Слушай, Эм, – прервал затянувшуюся паузу Генри, – через пару часов я уеду, так что можешь забрать вещи и так далее. На комоде оставлю немного наличных.

Эмили чуть было не согласилась, но потом ей пришло в голову, что деньги на комодах и столиках обычно оставляют шлюхам.

– Нет, – твердо произнесла она. – Хочу начать с чистого листа.

– Эм! – горестно вздохнул Генри. Молодая женщина представила, как муж борется с эмоциями, и перед глазами снова потемнело. – Нашей семье конец, да, детка?

– Не знаю, – ответила Эмили, стараясь говорить как можно спокойнее. – Время покажет.

– Если бы я строил прогнозы, то сказал бы «да». Сегодня я осознал две вещи: во-первых, молодая здоровая женщина способна убежать далеко.

– Я перезвоню, – пообещала Эмили.

– Во-вторых, если живые младенцы укрепляют брак, подобно цементу, то мертвые разъедают словно серная кислота.

Самая обидная шпилька Генри не уколола бы больнее, чем дурацкая метафора, в которую он превратил дочку. Эм бы на такое не решилась, не только сейчас, а вообще никогда.

– Я перезвоню, – повторила она и повесила трубку.

3
Опустевший Вермиллион-Ки наслаждался покоем

Итак, Эмили Оуэнсби сбежала по подъездной аллее, затем вниз по холму к мини-маркету «Продукты от Коузи», затем на гаревую дорожку Колледжа Южного Кливленда. Она сбежала в отель «Моррис», сбежала от опостылевшего мужа, без оглядки, как сбегают уставшие терпеть женщины, у которых под ногами горит прошлое. Чуть позже Эмили (с помощью «Саутвест эрлайнз») сбежала в Форт-Майерс, штат Флорида, а там взяла напрокат машину и покатила на юг к Нейплсу.

Опустевший Вермиллион-Ки наслаждался покоем под палящими лучами июньского солнца. Две мили по дороге от разводного моста, и Эмили уперлась в куцую подъездную аллею. Аллея вела к коттеджу из некрашеного ракушечника с синей крышей и облупленными синими ставнями, довольно неказистому снаружи, но уютному и комфортному внутри. Во всяком случае, кондиционеры работали исправно!

Когда Эмили заглушила мотор «ниссана», вокруг воцарилась тишина, нарушаемая лишь шорохом волн, накатывающих на пустынный пляж, и испуганным «У-у-о! У-у-о!» птицы, кричащей где-то совсем рядом.

Эм уронила голову на руль и добрых пять минут рыдала, выплескивая страх и напряжение последних шести месяцев. По крайней мере она пыталась, ведь в пределах слышимости не было никого, кроме у-окающей птицы. Вдоволь наплакавшись, Эмили сняла футболку и стерла сопли, пот и слезы с лица, шеи и груди, обтянутой трикотажным серым бюстгальтером. Когда она шла к дому, под ногами хрустели ракушки и обломки кораллов. Эмили наклонилась за ключом, который лежал в коробке от пастилок «Сакретс», спрятанной под обаятельным уродцем-гномом в выгоревшем (изначально красном) колпаке, и подумала, что уже неделю не вспоминает о «мигренях от Эм». И слава богу, ведь золмитриптан остался в тысяче миль от Вермиллион-Ки.

Пятнадцать минут спустя Эмили, переодевшаяся в шорты и старую отцовскую футболку, уже бежала по пляжу.

Следующие три недели ее жизнь поражала спартанской простотой. На завтрак Эм пила кофе и апельсиновый сок, на обед поглощала огромные порции зеленого салата, а на ужин лакомилась замороженностями от «Стоуфферс» – макаронами с сыром или фаршем на тосте, который отец называл дерьмом на палочке. Углеводы были очень кстати. По утрам, когда еще царила прохлада, Эмили босиком бегала по пляжу, у самой воды, где лежал плотный влажный песок, а ракушек почти не попадалось. После обеда, когда становилось жарко, хотя нередко заряжал дождь, она бегала по тенистой, на большинстве участков, дороге. Иногда Эмили промокала до нитки. В таких случаях она бегала под дождем с улыбкой, порой даже смехом, а вернувшись домой, бросала одежду в стиральную машину, которая, на счастье, стояла в трех шагах от душевой кабины.

Сперва Эмили ежедневно пробегала две мили по пляжу и одну по дороге, а через три недели – три по пляжу и две по дороге. Свое убежище Расти Джексон любовно окрестил «Зеленым шалашом», вероятно, в честь какой-то старой песни. Шалаш стоял на северной оконечности острова, и второго такого на Вермиллион-Ки не было: остальную территорию оккупировали богатые, очень богатые, а южную оконечность, где высились три «дворца», – безумно богатые. Иногда Эм обгоняли грузовики с приспособлениями для ландшафтного дизайна и уборки территории и куда реже – легковушки. Все дома, мимо которых она пробегала, были закрыты, а подъездные аллеи огорожены цепями. Эмили знала: так они простоят до октября, когда начнут стягиваться хозяева. Постепенно она придумала названия для каждого из домов:

«дворец» с колоннами окрестила «Тарой», окруженный металлическим забором-решеткой – «Тюрьмой», огромный, спрятанный за уродливой стеной из серого бетона – «Секретным объектом», а второй (после отцовского) дом небольшого размера, обсаженный пальметто и фенакоспермумами – «Логовом троллей», обитатели которого весь сезон питаются исключительно печеньем для троллей.

На пляже Эмили нередко встречала волонтеров из Общества спасения морских черепах и вскоре выучила их имена. «Привет, Эм!» – кричали они ей вслед. Посторонних почти не было, хотя однажды над самой ее головой пролетел вертолет. Молодой пассажир высунулся из кабины и помахал рукой. Эм помахала в ответ, радуясь, что ее бейсболка с символикой «Флоридских семинолов» надвинута на самое лицо.

За продуктами Эмили ездила в «Пабликс», расположенный в пяти километрах по шоссе 41, а на обратном пути нередко останавливалась в букинистической лавке Бобби Триккета, которая хоть и была намного больше отцовского Шалаша, по сути являлась той же избушкой из ракушек. Эмили покупала детективы Реймонда Чандлера и Эда Макбейна в мягкой обложке с пожелтевшими страницами и сладковатым запахом, навевающим не меньшую ностальгию, чем древний «форд-универсал» с деревянным кузовом, двумя пластмассовыми креслами, привязанными к крыше, и видавшей виды доской для серфинга, торчащей сзади, который Эм однажды встретила на шоссе 41. Детективы Джона Макдональда брать не стоило: у отца имелось чуть ли не полное собрание сочинений, распределенное по грубым шкафам. К концу июля грудь Эмили превратилась в прыщики, попа исчезла. Она пробегала по шесть, а то и семь миль в день, заставила свободные полки книгами с названиями вроде «Мертвый город» и «Шесть злодеяний», забыла про телевизор – даже погоду не смотрела, – ни разу не включала старый компьютер и не читала газет.

Отец звонил через день, но перестал спрашивать, «не стоит ли положить на работу и нагрянуть в гости», после того как Эм объяснила: когда будет готова к встрече, скажет сама. Пока она заверила лишь, что о самоубийстве не думает (правда), от депрессии не страдает (ложь) и нормально питается. Расти хватило и этого, ведь они с дочерью привыкли доверять друг другу. Эмили знала, что в летние месяцы у отца хлопот полон рот: все, чем нельзя заниматься, когда по университетскому городку шныряют студенты, следовало сделать с пятнадцатого июня по пятнадцатое сентября, когда вокруг лишь слушатели летних курсов и участники научных конференций, которые проводит администрация.

Еще у отца имелась подружка по имени Мелоди. Подробностями Эм не интересовалась, не представляя, как их воспримет, зато знала: отец с Мелоди счастлив, поэтому всегда о ней спрашивала. «У Мел все пучком», – неизменно отвечал отец.

Однажды Эмили позвонила Генри, и однажды Генри позвонил ей, кажется, пьяный. В тот вечер он раз десять спрашивал, считать ли их отношения законченными, а Эмили врала, что не знает. Наверное, врала.

По ночам Эмили точно в кому проваливалась. Сначала ее мучили кошмары: снова и снова снилось утро, когда они с Генри обнаружили дочку серой и холодной. Порой она видела Эми почерневшей, как гнилая ягода, а пару раз в кошмарах «покошмарнее» малышка отчаянно хрипела, и она спасала ее искусственным дыханием «изо рта в рот». Подобные кошмары пугали сильнее всего, ведь, просыпаясь, Эмили осознавала: девочка мертва. Одну из таких пыток прервал гром. Молнии вспарывали небо над Мексиканским заливом и чертили на стенах эфемерные ярко-голубые узоры. Эмили соскользнула с кровати, прижала колени к груди и разрыдалась, кулаками растягивая рот в страшной улыбке.

По мере увеличения физических нагрузок – нужно же исследовать границы своей выносливости – кошмары либо исчезли, либо отступили на задворки памяти. Эмили просыпалась не столько посвежевшей, сколько эмоционально разряженной, причем разряженной полностью. Дни на Вермиллион-Ки были похожи, как близнецы, но теперь каждый новый казался дей-

ствительно новым, а не продолжением старого. Однажды, открыв глаза, Эмили поняла: смерть дочки из жуткого настоящего незаметно превратилась в прошлое.

Молодая женщина решила пригласить в гости отца. Если хочет, пусть и Мелоди свою привозит, она приготовит им праздничный ужин. При желании могут и на ночь остаться, в конце концов дом-то отцовский.

Вскоре появились другие мысли: что делать со своей настоящей жизнью, той, которая ждет за разводным мостом. Что ей стоит сохранить, а от чего лучше избавиться?

Нужно еще немного времени, совсем немного. Неделя, максимум две, и она позвонит отцу. Эмили чувствовала, что уже почти готова. Почти.

4
Не очень хороший человек

Однажды, незадолго до того как июль уступил права августу, Дик Холлис объявил Эмили, что она больше не будет маяться от скуки на пустынном острове, мол, у нее появилась компания. Крошечный Вермиллион-Ки он называл исключительно островом, а не островком.

Про таких, как Дик, говорят «стреляный воробей». Иногда он выглядел на пятьдесят, иногда – на все семьдесят. Высокий, поджарый, он постоянно носил соломенную шляпу, напоминающую перевернутую миску, и с семи утра до семи вечера дежурил на разводном мосту, который соединяет Вермиллион-Ки с материком. Дик работал с понедельника по пятницу, а в выходные его сменял Малой (явно справивший тридцатилетие). Порой Эмили вбегала на мост и, увидев в старом плетеном кресле у будки дежурного не Дика, а Малого, читающего не «Нью-Йорк таймс», а «Популярную механику» или «Максим», с ужасом понимала, что пролетела очередная неделя.

Однако в тот день, как ни странно, дежурил Дик. В темнеющем под хмурым небом проливе между Вермиллионом и материком, который Холлис величал горло́м, не было ни души. Сидящая на перилах моста цапля либо медитировала, либо караулила рыбу.

– Компания? – удивилась Эм. – Нет у меня никакой компании.

– Я имел в виду другое. Пикеринг вернулся. Он ведь в триста шестьдесят шестом живет? Вот, «племянницу» привез.

На слове «племянница» Холлис закатил блекло-голубые, почти бесцветные глаза.

– Я никого не видела, – парировала Эм.

– Верно, – кивнул Дик. – Пикеринг прикатил на своем красном «мерсе» около часа назад, ты небось тогда кроссовки зашнуровывала. – Холлис подался вперед, зашуршав лежащей на впалом животе газетой. Эмили успела разглядеть наполовину разгаданный кроссворд. – Каждое лето у него новая «племянница»! Всегда молодая! А иногда, – Дик сделал паузу, – иногда в августе он привозит одну, а в сентябре – другую.

– Я с ним не знакома, – проговорила Эм, – и красных «мерседесов» здесь не видела.

Эмили даже не представляла, который из домов триста шестьдесят шестой. Она обращала внимание на сами дома, а не на почтовые ящики с номерами. Естественно, за исключением номера двести девятнадцать: на том ящике красовался целый выводок деревянных птичек (соответствующий ему дом Эм, разумеется, окрестила Скворечником).

– Ну и тем лучше, – отозвался Дик и вместо того, чтобы закатить глаза, резко опустил уголки рта, словно проглотив гнилую ягоду. – Сюда Пикеринг везет девчонок на «мерсе», а обратно в Сэнт-Питерсберг – на яхте. У него большая белая яхта, называется «Карусель». Сегодня утром она как раз мимо моста проплыла. – Дик снова опустил уголки рта. Вдали громыхнул гром. – Пикеринг показывает девчонкам дом, потом отправляется с ними в мини-круиз и пропадает до января, когда в Чикаго становится холодно.

Во время утренней пробежки по пляжу Эм вроде бы видела белую красавицу у причала, но точно уверена не была.

– Через пару дней, максимум неделю, его люди отгонят «мерс» туда, где он обычно стоит. Наверное, в гараж неподалеку от частного аэропорта в Нейплсе.

– Похоже, ваш Пикеринг очень богат, – отметила Эм.

Столь долгих и интересных разговоров у них с Диком еще не случалось, но она начала бежать на месте, отчасти боясь, что остынут мышцы, но в основном, потому что тело настойчиво звало вперед.

– Богат, как Скрудж Макдак, только Пикеринг свои денежки тратит на то, что в утиную голову дядюшки Скруджа точно бы не пришло. Говорят, его бизнес как-то связан с компьютерами. Думаю, у всех Скруджей так, верно? – Холлис закатил глаза.

– Да, пожалуй, – кивнула Эм, не прекращая бег на месте.

Вдали снова громыхнуло, на сей раз поувереннее.

– Вижу, тебе не терпится сбежать, но я не просто так это рассказываю, – заявил Дик, аккуратно свернул газету, положил рядом с креслом, а сверху вместо пресс-папье поставил кофейную чашку. – Привычки сплетничать о местных обитателях у меня нет. Они в основном богаты, и сплетничай я с каждым встречным, давно бы место потерял. Но ты, Эмми, мне нравишься: держишься особняком, нюни не распускаешь, и отец у тебя замечательный – сколько раз меня пивом угощал!

– Спасибо! – поблагодарила тронутая до глубины души Эмили, а потом, кое-что сообразив, улыбнулась: – Отец попросил вас за мной приглядывать?

– Нет! – покачал головой Холлис. – Не просил и никогда не попросит. Это не в стиле Расти Джексона, хотя он сказал бы тебе то же самое: «Джим Пикеринг не очень хороший человек, я бы держался от него подальше. Если пригласит пропустить стаканчик или даже выпить чашечку кофе со своей новой «племянницей», лучше отказаться, а если позовет в круиз, следует отказаться категорически».

– Круизы меня больше не интересуют, – заявила Эмили. В данный момент ее интересовала лишь задача, ради которой она приехала на Вермиллион-Ки. Эмили чувствовала: задача почти решена. – Побегу домой, пока дождь не полил!

– Он польет не раньше пяти, – проговорил Дик. – Хотя, даже если я ошибаюсь, с тобой ничего не случится.

– Я тоже так думаю, – снова улыбнулась Эмили. – Вопреки расхожему мнению, женщины под дождем не тают. Передать отцу привет?

– Обязательно. – Холлис нагнулся за газетой, потом взглянул на Эм из-под своей нелепой шляпы. – Кстати, как твои дела?

– Лучше, с каждым днем лучше. – Эмили развернулась и побежала к «Зеленому шалашу». Она подняла руку – пока, мол, – и сидевшая на перилах цапля пролетела мимо, зажав в длинном клюве рыбу.

Домом номер триста шестьдесят шесть оказался «Секретный объект», ворота которого впервые со дня приезда Эмили на Вермиллион-Ки были приоткрыты. Или они были приоткрыты, уже когда она бежала к мосту? Эмили не помнила. Да, конечно, ведь чтобы не терять счет времени, она стала брать на пробежки массивные электронные часы с крупными цифрами. Вероятно, на них она и смотрела, пробегая мимо.

Сперва Эмили не собиралась останавливаться у «Секретного объекта»: гроза приближалась. Однако на ней ведь была не замшевая юбка за тысячу долларов из бутика, а наряд из спортивного магазина: шорты и футболка с «галочкой» «Найк». К тому же, как она сказала Дику, женщины под дождем не тают. В общем, Эмили сбавила скорость, свернула к дому и заглянула за ворота. Из чистого любопытства.

Во дворе стоял «Мерседес-450 SL», который Эмили узнала, потому что ее отец ездил на таком же. Только машина Расти была уже старая, а эта – новехонькая, карминно-красная и блестящая даже под слабыми лучами затянутого тучами солнца. Багажник оставили открытым. Из него свисала длинная прядь белокурых волос. Перепачканных кровью…

Дик упоминал, что гостья Пикеринга – блондинка? Первым в сознании Эмили возник именно этот вопрос. Потрясенная до глубины души Эм не чувствовала в нем ничего странного: вопрос казался вполне логичным, а Дик на него не ответил. Он лишь съязвил, что гостья молода, назвал ее «племянницей» и закатил глаза.

На сей раз громыхнуло прямо над головой.

За исключением ярко-красной машины и блондинки (в багажнике лежала именно она), во дворе не было ни души. Дом тоже казался пустым, он словно прятал нутро от внешнего мира и даже больше обычного напоминал секретный объект. Унылый пейзаж не смягчали и раскачивающиеся на ветру пальмы: слишком много серого, холодного, безжизненного. Не дом, а уродливая громадина!

Послышался стон. Толком не подумав, Эмили бросилась через двор к красному «мерседесу» и заглянула в багажник. Стонала явно не белокурая девушка. Нет, ее глаза были открыты, но на теле запекался добрый десяток ножевых ран, а горло перерезали от уха до уха.

Эмили точно примерзла к месту: шок не давал ни шевельнуться, ни вздохнуть. А потом в голову пришло, что блондинка ненастоящая, то есть это кукла, манекен, киношная бутафория. Холодный рассудок заявил: манекенная теория – чистой воды бред, однако сопротивляющаяся шоку психика согласно закивала и мгновенно выдала вполне рациональное объяснение. Дику не нравится Пикеринг с бесконечными «племянницами»? Вероятно, неприязнь взаимна, и Пикеринг замыслил образцово показательный розыгрыш: он проедет через мост с приоткрытым багажником, из которого «случайно» выбьется окровавленная белокурая прядь, и…

Тут Эмили почувствовала запах: из багажника пахло кровью и дерьмом. Она боязливо прикоснулась к щеке блондинки. Холодная… кожа. Господи, господи, человеческая кожа!

За спиной послышался шорох. Шаги. Эмили уже начала оборачиваться, когда по голове ударило что-то тяжелое. Боли не было, на секунду мир стал ослепительно белым, а потом погрузился во мрак.

5
Он хочет показать ей мышку

Очнулась Эмили с изолентой на лодыжках, туловище и запястьях: ее крепко привязали к стулу на просторной кухне, полной жутких стальных предметов. Стальная мойка, холодильник и плита куда больше подошли бы кафе или ресторану. Затылок посылал длинные радиоволны болевых сигналов: «Помоги! Помоги! Помоги!»

У раковины стоял высокий стройный мужчина в шортах и старой тенниске «Изод». Безжалостные люминесцентные лампы позволили разглядеть и гусиные лапки, и поблескивающую на висках седину. Эм дала ему лет пятьдесят. Мужчина мыл руки, нет, не просто мыл, а промывал колотую рану под левым локтем.

Мужчина обернулся. Простое движение выдало в нем проворного безжалостного хищника, и у Эмили засосало под ложечкой. Голубые глаза оказались куда ярче, чем у Дика Холлиса, и полыхали таким безумием, что под ложечкой засосало еще сильнее. На полу – та же уродливая серость, что во дворе, только вместо бетона кафель – поблескивала темная дорожка дюймов восемь шириной. Наверняка кровь. Эм без труда представила, как Пикеринг волочит девушку неизвестно куда, и длинные волосы размазывают кровь по кафелю.

– Очнулась? – поинтересовался Пикеринг. – Хорошо. Отлично. Думаешь, я хотел ее убить? Ничего подобного! Она прятала нож в чертовом носке. Я лишь за руку ее ущипнул. – Задумавшись, Пикеринг промокнул сильно кровоточащую рану под локтем бумажной салфеткой. – Ну, еще за титьку. Ведь вы, девчонки, только этого и ждете, по крайней мере должны ждать. Стандартная любовная прелюдия… или в данном случае прешлюхия!

После каждой фразы Пикеринг расставлял кавычки большим и указательным пальцами правой руки. Эм казалось, он хочет показать ей мышку или паучка, совсем как она показывала маленькой дочке. Хозяин дома безумен – это сомнений не вызывало. Гром громыхнул так, словно в небесной канцелярии ломали мебель. Эм даже подпрыгнула – насколько позволил тяжелый стул, – а стоящий у двойной раковины Пикеринг не шелохнулся. Выпятив нижнюю губу, он разглядывал пленницу.

– В общем, нож я у нее отнял, а потом сорвался с катушек. Да, признаю. Меня называют мистером Самообладание, и я стараюсь соответствовать репутации. Правда стараюсь. Только обывателям невдомек: голову может потерять каждый, особенно при определенных обстоятельствах.

За окном дождь полил как из ведра. Вероятно, Всевышний спустил воду в собственном унитазе.

– Кто может догадаться, что ты здесь?

– Очень многие, – без колебаний ответила Эмили.

Пикеринг подлетел к ней быстрее молнии. Да, именно молниеносно. Секунду назад он стоял у раковины, а в следующую очутился рядом с Эмили и отвесил такую пощечину, что перед глазами поплыли белые круги и по кухне понеслись белые точки с яркими, как у комет, хвостами. Волосы свесились набок, из разбитой нижней губы потекла кровь, вдобавок Эмили сильно поцарапала ее зубами, ей даже показалось, что прокусила. На улице бушевал ливень. «Умру в дождь», – подумала она, но сама в это не поверила. Хотя кто верит в свою смерть?

– Кто знает?! – прямо в лицо ей прогремел Пикеринг.

– Очень многие, – повторила она, но из-за распухшей губы получилось «Ошень многие». С подбородка тонкой струйкой стекала кровь, а вот голова не пухла и, несмотря на боль и страхи, работала с поразительной отдачей. Эм понимала: чтобы спастись, следует убедить Пикеринга, что, убив ее, он поставит себя под удар. Разумеется, отпустив ее, Пикеринг тоже

поставит себя под удар, но это она обдумает позднее. С проблемами, точнее, кошмарами, лучше разбираться по мере их появления.

– Очень многие! – еще раз повторила она с откровенным вызовом. Пикеринг молнией метнулся обратно к раковине и вернулся с маленьким ножом в руках. Вероятно, именно его прятала в носке несчастная девушка. Пикеринг приставил кончик к нижнему веку Эмили и слегка надавил. В этот момент ее мочевой пузырь не выдержал и разом опорожнился.

Пикеринг гадливо поморщился, но вместе с отвращением на его лице мелькнул восторг. Эмили даже удивилась: как один человек может одновременно испытывать столь противоречивые чувства. Пикеринг отступил на полшага, но кончик ножа по-прежнему оттягивал ее нижнее веко.

– Отлично! – процедил он. – Мало грязи я выгреб, ты еще добавила. Впрочем, все вполне предсказуемо. Да, конечно! Как выразился тот человек? «Снаружи места больше, чем внутри». Угу, именно так! – Пикеринг коротко хохотнул, и его ярко-голубые глаза впились в карие глаза Эмили. – Назови хоть одного человека, которому известно, что ты здесь. Ну, выкладывай! Начнешь мяться – я почувствую фальшь, выколю тебе глаз и брошу в раковину. За мной не заржавеет. Давай выкладывай, живо!

– Дик Холлис, – прошелестела Эмили.

Она предательница, подлая предательница, но имя буквально сорвалось с губ: глаз терять совершенно не хотелось.

– Кто еще?

На ум больше ничего не приходило: лихорадочно работающий мозг не выдал ни одного имени. Эмили не сомневалась, что Пикеринг не врет и, почуяв фальшь, впрямь выколет ей глаз.

– Никто, больше никто, понял? – зарыдала она. В принципе Дика должно было хватить. Одного человека вполне хватило бы, если Пикеринг не полный безумец, и не попытается…

Пикеринг убрал нож, и Эмили скорее почувствовала, чем увидела периферическим зрением: на нижнем веке появилась крошечная бусинка крови. Ерунда! Главное, периферическое зрение не отняли!

– Понял, ладно, ладно, ладно… – Пикеринг, метнувшись к раковине, швырнул туда ножик. Эм вздохнула с облегчением, но он достал из ящика нож побольше – длинный, острый, такими мясо разделывают. – Ладно! – Он вернулся к Эмили. На одежде Пикеринга кровавых пятен не просматривалось, ни единого. Как же это получилось? Она долго была без сознания? – Ладно, ладно. – Он провел левой рукой по коротким, явно постриженным в абсурдно дорогом салоне волосам – они тотчас легли, как нужно. – Кто такой Дик Холлис?

– Смотритель разводного моста, – дрожащим голосом ответила Эмили. – Мы говорили о вас, поэтому я и заглянула за ворота. Дик видел девушку! – в порыве вдохновения выпалила она. – Сказал, это ваша племянница.

– Да-да, девочки возвращаются домой на яхте – больше твой Дик не знает ничего, абсолютно ничего. Надо же, как любопытны люди! Где твоя машина? Отвечай немедленно, не то сделаю эксклюзивную ампутацию груди. Быструю, но отнюдь не безболезненную.

– У «Зеленого шалаша»! – выдала перепуганная Эм.

– Какого еще шалаша?

– Это маленький домик из ракушечника на северной оконечности острова. Он принадлежит моему отцу… – Тут у нее появилась отличная мысль. – Отец знает, что я здесь!

– Да-да, – пробормотал внезапно утративший интерес Пикеринг. – Понятно, здорово… Так ты здесь живешь?

– Да…

Пикеринг взглянул на ее шорты, из голубых превратившиеся в темно-синие.

– Ты ведь бегунья? – спросил он. Эмили промолчала, но Пикеринг нисколько не смутился. – Конечно, бегунья! Только посмотри на эти ноги! – К вящему изумлению Эм, он покло-

нился, словно встретив члена королевской семьи, и шумно чмокнул ее левое бедро чуть ниже шорт. Когда Пикеринг выпрямился, на его шортах появилась заметная выпуклость. Проклятие, этого еще не хватало! – Бегаешь туда-сюда, туда-сюда… – Он махнул массивным ножом, точно дирижер палочкой – получилось очень завораживающе. За окнами лило как из ведра. Еще минут сорок, максимум час такого ливня, и снова выйдет солнце, но Эмили не знала, суждено ли ей его увидеть. Скорее всего нет, хотя это по-прежнему казалось невозможным, даже невероятным. – Туда-сюда, туда-сюда. Иногда болтаешь со стариком в соломенной шляпе, но больше ни с кем. – Невзирая на испуг, Эмили поняла: безумец разговаривает с самим собой. – Да, больше ни с кем, ведь здесь больше никого нет. Лишь немытые латинос, которые сажают деревья да газоны стригут. Думаешь, кто-то из них вспомнит, что ты пробегала мимо?

Лезвие ножа маятником двигалось вперед-назад, а Пикеринг смотрел на него, словно в ожидании ответа.

– Нет, – покачал он головой, – и я объясню почему. Для них ты очередная богатая гринго, помешанная на беге. Такие повсюду, каждый день с ними сталкиваюсь! Шизанутые фанатки здорового образа жизни, вечно под ногами путаетесь! Если не бегаете, то на велосипедах гоняете, в своих дурацких шлемах, ведь так? Еще бы! Ну, леди Джейн, помолись, только быстрее. Времени у меня в обрез, я тороплюсь, очень тороплюсь!

Пикеринг поднял нож к плечу и поджал губы в предвкушении смертельного удара. Эмили показалось, что над миром разошлись тучи, и яркое солнце осветило каждый его закоулок. «Доченька, я иду к тебе», – подумала она и, как ни странно, вспомнила фразу, которую, вероятно, слышала на «И-эс-пи-эн»: «Жди меня, малышка!»

Однако Пикеринг замер и обернулся, точно на чей-то голос.

– Да? – спросил он, а потом сам ответил: – Да, да.

В центре кухни стоял разделочный стол с пластиковой крышкой – туда Пикеринг и швырнул приземлившийся с громким лязгом нож вместо того, чтобы вонзить его в Эмили.

– Сиди здесь, убивать тебя не стану. Я передумал. Может ведь человек передумать! От Николь я ничего, кроме пера в локоть, не добился.

На столе лежал тонкий рулон изоленты. Пикеринг потянулся к нему и секунду спустя уже стоял перед Эмили на коленях. Беззащитный затылок точно дразнил ее. В ситуации поблагоприятнее и посправедливее она сложила бы пальцы замком и как следует двинула бы по уязвимому месту. Только запястья были надежно привязаны к массивным кленовым подлокотникам. Ее туловище Пикеринг обездвижил толстыми кольцами ленты на уровне талии и под грудью, а ноги прикрепил к ножкам стула на уровне колен, в верхней и нижней части икр. Да, он, что называется, поработал на совесть.

Ножки стула Пикеринг, в свою очередь, прилепил к полу, а теперь добавлял свежие слои ленты сначала спереди, потом сзади. Когда все было готово, а вся лента израсходована, он поднялся и положил картонный сердечник мотка на разделочный стол.

– Ну вот, – произнес он, – получилось весьма недурно. Жди меня здесь… – Видимо, собственная фраза показалась ему забавной, потому что он запрокинул голову и хохотнул. – Только не скучай и не убегай, договорились? Мне нужно разобраться с твоим престарелым дружком, причем желательно успеть до окончания ливня.

На сей раз он метнулся к двери, за которой скрывался одежный шкаф, и вытащил желтый дождевик.

– Я знал, что он где-то здесь! Мужчины в плащах внушают доверие, трудно сказать почему. Очередной необъяснимый факт. Ладно, подружка, сиди тихо!

Пикеринг снова хохотнул, но прозвучало больше похоже на лай озлобленного пуделя, и исчез.

6
По-прежнему 9.15

Когда хлопнула передняя дверь, и Эмили поняла, что мучитель действительно ушел, необыкновенная яркость окружающего мира сменилась унылой серостью. Эмили почувствовала: она на грани обморока. Нет, обморок она позволить себе не может, ни в коем случае. Если загробный мир существует и рано или поздно она встретит там отца, как объяснить, что последние минуты жизни она потратила на обморок, то есть бездарно и впустую? Расти Джексон будет разочарован. Даже если они встретятся по колено в облаках, среди небесных ангелов, играющих небесную музыку (наверняка на арфах), Расти Джексон будет разочарован, что единственный шанс спастись дочь променяла на старый добрый обморок.

Она прикусила распухшую нижнюю губу так, что ранка снова закровоточила. Тотчас вернулись и яркие краски, и четкие очертания. Шелест ветра и шорох дождя усилились, словно необычная музыка.

Сколько у нее времени? От «Секретного объекта» до моста примерно четверть мили. Пикеринг надел дождевик, рев заведенного мотора она не слышала, поэтому решила, что Пикеринг отправился пешком. Естественно, шум мотора могли заглушить гром и ливень, но она все равно не верила, что он сядет за руль. Дик Холлис знает красный «мерседес». Красный «мерседес» насторожит Дика Холлиса, и, Эмили не сомневалась, Пикеринг это понимает. Пикеринг сумасшедший, разговаривает то с самим собой, то с невидимым сообщником, но идиотом его не назовешь. Равно как и Дика, только ведь Холлис один в своей будочке. Ни машин, ни катеров с яхтами в такое ненастье не будет.

К тому же Дик Холлис стар.

– У меня минут пятнадцать, – объявила Эмили пустой комнате. Или она обращалась к кровавому следу на полу? Пикеринг не заткнул ей рот кляпом. Хотя зачем возиться? В этой уродливой бетонной крепости ее крик никто не услышит. В принципе с таким же успехом она могла бы стоять на улице и орать что есть мочи. Сейчас даже мексиканские рабочие наверняка сидят в кабинах своих грузовиков, курят и пьют кофе. – Максимум пятнадцать минут.

Да, вероятно, так. Потом вернется Пикеринг, изнасилует ее, как собирался изнасиловать Николь, и убьет, как убил Николь. Ее и скольких своих «племянниц»? Она, разумеется, не знала, однако не сомневалась в том, что это, как бы выразился Расти Джексон, далеко не первые гастроли Пикеринга.

Пятнадцать минут, возможно, даже десять.

Эмили взглянула на свои ноги. Их, в отличие от ножек стула, к полу не прилепили. Значит…

«Ты бегунья, конечно, бегунья! Только посмотри на эти ноги!»

Да, ноги хороши, Эмили знала это и без поцелуев, особенно без поцелуев клинических идиотов вроде Пикеринга. Не факт, что они хороши в плане эстетики или сексуальности, зато с практической точки зрения просто замечательны. На этих самых ногах Эмили проделала долгий путь с тех пор, как они с Генри нашли дочку мертвой. Пикеринг, вслед за десятком маньяков в десятках фильмов, явно понадеялся на крепость изоленты, тем более что ни одна из его «племянниц» поводов для сомнений не давала. Возможно, потому что он не предоставлял им шансов, возможно, потому что девушки умирали от страха. Но вдруг… особенно при стопроцентной влажности дождливого дня в непроветренном доме, где сырость такая, что пахнет плесенью…

Эм подалась вперед, насколько позволяли липкие путы, и начала напрягать икроножные мышцы – недавно сформировавшиеся мышцы бегуньи, которыми восхищался маньяк. Сначала чуть-чуть, потом вполсилы, потом изо всех сил. Она уже теряла надежду, когда послы-

шался треск, сперва даже не треск, а едва различимый шорох, но вскоре он стал громче. Пикеринг ленту не жалел и намотал ее крест-накрест. Получилось очень прочно, только лента растягивалась и отлеплялась от пола, но медленно, господи, как медленно!

Эмили расслабила мышцы. На лбу, под мышками и на груди проступил пот. Она приготовилась ко второй попытке, но многочасовые тренировки на беговых дорожках колледжа Южного Кливленда подсказывали: нужно подождать, пока бешено бьющееся сердце не разгонит по телу молочную кислоту, которая сейчас скопилась в ногах. Если поторопиться, следующая попытка получится куда слабее и результата не принесет. Только ждать было сложно, почти невыносимо. Она не знала, сколько времени прошло с ухода Пикеринга. На стене висели часы в виде солнца (разумеется, из нержавейки, как и все в этой жуткой бездушной кухне, за исключением деревянного стула, к которому ее привязали), но они остановились на четверти десятого. Наверное, часы на батарейках, а те разрядились.

Она пыталась сидеть спокойно, пока не досчитает до тридцати (не спеша, после каждой цифры проговаривая «мышка Мейзи»[8]), но вытерпела лишь до семнадцати. Тогда она снова напрягла мышцы изо всех сил. На сей раз лента затрещала сразу и куда громче. Стул поднимался, поднимался! Совсем чуть-чуть, но поднимался.

Эм запрокинула голову и напрягла мышцы так, что оскалились зубы обнажились, из разбитой губы потекла свежая кровь, а на шее вздулись жилы. Теперь лента трещала вовсю и – вот чудо! – рвалась.

Правое бедро неожиданно обожгла резкая боль. Пару секунд Эмили сопротивлялась: слишком высоки были ставки, но потом расслабилась, судорожно глотая воздух, и снова начала считать.

– Один, мышка Мейзи; два, мышка Мейзи, три…

Счет три обошелся без «мышки»: Эмили почти не сомневалась, что сможет оторвать стул от пола. Но если при этом правое бедро сведет судорога (подобное пару раз уже случалось: мышцы точно каменели), она потеряет больше времени, чем выиграет, и останется привязанной, приклеенной к дурацкому стулу.

Она уже знала: настенные часы стоят, но тем не менее чисто машинально на них взглянула. По-прежнему 9.15. Пикеринг сейчас на мосту? Внезапно мелькнула надежда: Дик включит аварийную сигнализацию и спугнет убийцу. Возможно такое? Да, вполне. Ведь Пикеринг, как гиена, опасен, лишь когда уверен в собственном превосходстве. Вдруг, подобно той же гиене, он не в состоянии представить обратную ситуацию? Эмили вслушалась: с улицы доносились раскаты грома, мерный шорох дождя, но, увы, не вой сирены у будки дежурного по мосту.

Она снова попыталась отлепить ножки стула от пола и, когда это неожиданно удалось, едва не рухнула на плиту лицом вниз. Стул опасно закачался, и, чтобы не потерять равновесие, Эмили прижалась к разделочному столу с пластиковой крышкой. Сердце стучало так часто, что отдельные удары слились в мерный рокот. Упади стул, и она сделается беспомощной, как перевернутая на спину черепаха: у нее не будет ни малейшего шанса подняться.

«Все в порядке, – подумала она. – Непоправимое не случилось».

Не случилось, но Эмили с ужасающей ясностью представляла себя на плите. Она лежала бы в полном одиночестве, хоть с засохшей кровью Николь разговаривай! Лежала бы и ждала возвращения Пикеринга. Кстати, когда он вернется? Через семь минут? Пять? Три?

Эмили снова взглянула на часы: 9.15.

Скрючившись у стола, она жадно хватала воздух ртом. Она… как горбунья, только вместо горба стул. На столе лежал нож для разделки мяса, но как до него дотянуться, если запястья прилеплены к подлокотникам? Даже если она подцепит нож, что тогда? Липкие путы ей в жизни не перерезать!

---

[8] Мышка Мейзи – героиня серии книг и мультфильмов для самых маленьких.

Эмили посмотрела на горелки. Интересно, удастся ли включить одну из них? Тогда можно… Воображение нарисовало очередную жуткую картинку: она пытается расплавить ленту, но вместо этого от огня горелки воспламеняется одежда. Нет, так рисковать нельзя! Если бы ей предложили таблетку (или пулю в лоб), которая избавила бы от изнасилования, пыток и смерти, вероятно медленной, в чудовищных муках, она не стала бы слушать голос отца («Эмми, нельзя сдаваться! Светлая полоса всегда рядом!») и согласилась бы. Но если она получит сильные ожоги? Тогда, покрывшись хрустящей корочкой, она будет не просто ждать возвращения Пикеринга, а молиться, чтобы он скорее вернулся и избавил от страданий.

Не годится! Только что делать? Время точно сквозь пальцы просачивалось! Настенные часы упрямо показывали 9.15, однако Эмили почудилось, что дождь чуть притих. Со дна души поднялся ужас, Эмили затолкала его обратно: в такой ситуации паника смертельно опасна.

Использовать нож она не могла, а плиту не хотела. Что оставалось? Ответ был очевиден: оставался стул. Других в кухне не наблюдалось, только три табурета, высоких, напоминающих барные. Кленовый стул Пикеринг, наверное, принес из столовой, которую она надеялась никогда не увидеть. Неужели он всех девушек, всех «племянниц» привязывал к массивным стульям из красного клена, которым место у обеденного стола, вероятно, даже к этому самому? В глубине души она чувствовала, что да. Пикеринг доверял этому стулу, хотя он был не металлический, а деревянный. Не подвел один раз, не подведет и в следующий – она не сомневалась, что Пикеринг и мыслит как гиена.

Нужно скорее выбраться! Других вариантов не было, а в распоряжении имелось всего несколько минут.

7
Будет больно

Кленовый стул стоял примерно по центру кухонного острова, но разделочный стол чуть выдавался вперед, образуя выступ. Двигаться не хотелось: малейшая неловкость – она упадет и превратится в черепаху, – но при этом хотелось отыскать поверхность для разбивания стула шире и надежнее выступа стола. Идеально подходил холодильник: он из нержавейки и большой. Лучшей поверхности для битья не придумаешь!

Она поползла к холодильнику вместе со стулом, привязанным к ногам, спине и пояснице. Судя по ощущениям, сзади у нее был не стул, а гроб. И он станет гробом, если Эмили упадет или будет тщетно бить его о «Китченэйд», когда вернется хозяин дома.

В какой-то момент она опасно покачнулась и упала бы ничком, если бы не удержала равновесие, казалось, чистым усилием воли. Боль в правой икре не просто вернулась, а многократно усилилась, грозя превратиться в судорогу и сделать ногу бесполезной. Зажмурившись от натуги, Эмили прогнала и ее. По лицу катился пот, смывая невыплаканные слезы.

Сколько времени прошло? Сколько? Дождь еще немного притих. Совсем чуть-чуть, и он станет моросью. Может, Дик дал Пикерингу бой. Может, в его древнем, заваленном хламом столе даже хранился пистолет, и он пристрелил Пикеринга, как бешеного пса. Услышала бы она выстрел? Вряд ли, уж слишком сильный ветер! Нет, куда вероятнее, что Пикеринг, который лет на двадцать моложе Дика и, очевидно, в прекрасной форме, отнял бы пистолет и выстрелил в старика.

Эмили старательно гнала эти мысли, что оказалось очень непросто. Непросто, хотя они и были никчемными. Лицо бледное, перекошенное от натуги, нижняя губа распухла, глаза закрыты – она вместе со стулом ползла вперед. Один шажок, второй… Можно сделать шесть? Можно. Только уже на четвертом колени, фактически прижатые к животу, ударились о холодильник.

Она разлепила веки, не в силах поверить, что благополучно справилась с этой трудной экспедицией: человек, свободный от тяжелого стула и пут, преодолел бы такое расстояние за три шага, а для нее это целая экспедиция, чертово приключение!

Времени поздравлять себя, увы, не было, и не только потому, что в любой момент могла заскрипеть дверь «Секретного объекта». Имелись проблемы посерьезнее. От ходьбы в положении сидя перенапрягшиеся мышцы дрожали, Эмили чувствовала себя как на первом занятии усложненной тантра-йогой. Если не приступить немедленно, вообще ничего не получится, а если крепость стула не обманчива…

Она решительно отмахнулась от этой мысли.

– Скорее всего будет больно! Ты ведь понимаешь это, да?

Конечно, она понимала, только при этом осознавала, что пытки Пикеринга будут еще страшнее и больнее.

– Пожалуйста! – взмолилась Эмили и, повернувшись к холодильнику боком, увидела в дверце свой профиль. Если она действительно молилась, то не богу, а покойной дочери. – Пожалуйста! – повторила она и, резко оттолкнувшись от пола, ударила кленовым гробом о дверцу холодильника.

Эмили не слишком удивилась, когда стул разом оторвался от пола. Она чуть не стукнулась головой о плиту, но, к счастью, «чуть» не считается. Спинка стула громко заскрипела, сиденье сдвинулось вправо от ее поясницы и бедер, а вот ножки даже не треснули.

– Гнилой! – крикнула пустой кухне Эмили. – Чертов стул – гнилой!

Вообще-то, гнилым он почти наверняка не был, но – благослови, Господи, флоридский климат – его прочность оказалась обманчивой. Наконец-то удача ей улыбнулась… и испорти Пикеринг своим появлением этот прекрасный момент, она сошла бы с ума.

Сколько у нее времени? Как давно ушел Пикеринг? Эмили не представляла. Прежде биологические часы ее не подводили, но сейчас казались бесполезнее настенных. До чего досадно полностью потерять счет времени! Вспомнив электронные часы с крупными цифрами, она с тоской взглянула на запястье. Исчезли, осталась лишь светлая полоска на загорелой коже. Наверняка Пикеринг конфисковал!

Она уже собралась снова ударить по холодильнику, но тут возникла идея получше. Поясница почти отделилась от стула, значит, появился дополнительный рычаг. Эмили напрягла мышцы спины так же, как напрягала бедра и икры, когда отлепляла стул от пола. Поясницу, вернее, самое основание позвоночника, тут же обожгла боль: осторожно, мол, осторожно, но на сей раз она не сделала паузу, дабы восстановить силы. Передышки казались непозволительной роскошью. Перед мысленным взором возник Пикеринг, бегущий по пустынной дороге: желтый дождевик развевается, из-под ног летят брызги, а в руках наверняка что-то тяжелое, например, монтировка, которую он вытащил из залитого кровью багажника «мерседеса».

Эм потянулась вверх. Боль в пояснице тут же усилилась, стала резкой, словно меж позвонками застрял осколок. Зато снова раздался треск – лента отлеплялась. Увы, не от стула, просто верхние слои отходили от нижних, и путы ослабевали. Конечно, лучше бы сбросить их совсем, но ослабить тоже неплохо: появляются дополнительные возможности для рывка.

Она снова двинула бедрами о холодильник, негромко вскрикнув от напряжения. Удар сотряс все тело, но стул даже не пошевелился, он пристал к ней, как намагниченный. Она сильнее двинула бедрами и громче вскрикнула – получилась тантра-йога с примесью садомазохизма. Лента опять затрещала, и на сей раз сиденье сместилось влево относительно ее спины и бедер.

Эм бешено вращала немеющими от напряжения бедрами и билась, билась, билась о холодильник. Она потеряла счет ударам. Она снова заплакала. Она порвала шорты. Ткань лопнула по заднему шву, шорты начали сползать, обнажив кровоточащую ссадину. «На щепку напоролась», – подумала Эмили.

Глубоко вздохнула, тщетно стараясь успокоить бешено бьющееся сердце, и снова изо всех сил двинула деревянным гробом по холодильнику. Она попала по рычагу встроенного автомата для льда, и на кафельный пол посыпались кубики. Лента в очередной раз затрещала, вытянулась, и через секунду левая рука оказалась на свободе. Эмили взглянула на нее, словно не сообразив, что произошло. Подлокотник был до сих пор привязан к ее запястью, но сейчас сам стул висел справа на длинных серых полосках изоленты. Эмили точно в паутине запуталась… Да, именно так: угодила в плен к сумасшедшему пауку в шортах цвета хаки и тенниске «Изод». Она еще не освободилась, зато теперь могла воспользоваться ножом. Оставалось только вернуться за ним к разделочному столу.

– Не наступай на кубики! – велела она себе дребезжащим голосом, точь-в-точь как у студентки, дозанимавшейся до нервного срыва. – Кататься на коньках сейчас явно не время.

Кубики Эмили успешно миновала, но, когда нагнулась за ножом, переутомленная спина хрустнула в знак предупреждения. Из-за стула, болтавшегося у ее груди и лодыжек на длинных полосах изоленты, Эмили врезалась в разделочный стол, не обращая ни на что внимания, схватила нож левой рукой и перерезала путы на правой. Жадно глотая воздух ртом, она то и дело посматривала на дверь, ведущую из кухни в другие комнаты, вероятно, в столовую и холл. Пикеринг ушел именно туда, значит, оттуда и появится. Освободив правую руку, она сорвала обломок стула, до сих пор висевший на левой, и швырнула в центр кухонного острова.

– Хватит ждать Пикеринга! – одернула она себя, застыв посреди серой, утонувшей в полумраке кухни. – Лучше делай свое дело!

Совет, конечно, хорош, только как ему следовать, если знаешь, что совсем скоро дверь распахнется, и войдет твоя смерть.

Эмили перерезала ленту, приклеенную под грудью. Действовать следовало медленно, с предельной аккуратностью, но времени не было, и нож несколько раз царапнул кожу. Потекла кровь.

Нож попался острый, что имело как минусы – глубокие раны под грудиной, так и плюсы – слои ленты, перерезанные без особых проблем. Наконец она расправилась с последним – стул еще немного отделился от спины – и взялась за широкую полоску вокруг талии. Наклоняться стало куда проще, поэтому работа пошла быстрее и с меньшим риском пораниться. Когда с лентой было покончено, стул упал на кафель. В результате его ножки, до сих пор привязанные к икрам, врезались в ахилловы сухожилия, бугрившиеся прямо под кожей. Больно! Господи, как больно! Она жалобно застонала.

Эмили развернула корпус и левой рукой прижала стул к ногам, чтобы жуткая давящая боль утихла. Движение получилось коварным, в стиле тантра-йоги с элементами мазохизма, но Эмили не отпускала стул до тех пор, пока в очередной раз не оказалась лицом к плите. На нее она и облокотилась, чтобы ножки стула снова не врезались в сухожилия. Задыхаясь, плача (слез она даже не чувствовала), Эмили наклонилась вперед и стала перерезать изоленту на лодыжках. От рывков ослабли и эти полоски, и другие, удерживающие проклятый стул у нижней части туловища, поэтому все прошло быстро и практически без царапин с порезами, хотя она умудрилась как следует полоснуть себя по правой икре, словно в приступе безумия наказывая за судороги, которые начались, когда она отлепляла стул от пола.

Эмили перерезала ленту вокруг колен – оставался последний виток, – когда хлопнула входная дверь.

– Милая, я дома! – радостно закричал Пикеринг. – Ты соскучилась?

На долю секунды Эмили замерла, потом наклонилась так, что волосы свесились на лицо, и, собрав волю в кулак, приказала себе действовать. В подобной ситуации не до изящества – она поднесла нож к серой полоске ленты на правом колене, чудом не поранив коленную чашечку, и полоснула изо всех сил. В холле раздался скрежет: вероятно, Пикеринг повернул ключ в замке, внушительного, судя по звуку, размера. Он не хотел, чтобы ему мешали: незваных гостей на сегодня достаточно. Приняв меры предосторожности, Пикеринг зашагал по коридору. Очевидно, на ногах у него были кроссовки, потому что Эмили слышала хлюпанье мокрых резиновых подошв.

Пикеринг насвистывал песенку «О, Сюзанна» Стивена Фостера.

Лезвие ножа наконец перерезало ленту на правом колене, и стул, теперь держащийся лишь на левом колене, с грохотом ударился о разделочный стол. На секунду шаги за дверью (в каких-то ярдах от нее) остановились, а потом превратились частую дробь: Пикеринг побежал. После этого события развивались с головокружительной быстротой.

Бам! – Пикеринг распахнул дверь, толкнув ее обеими рукам. Получилось, что и на кухню он влетел с вытянутыми руками, но, вопреки ожиданиям Эмили, монтировки в них не оказалось. Рукава желтого дождевика были закатаны до самых локтей, и она успела подумать: «Идиот, кто же так высоко рукава закатывает? Жена бы тебе подсказала, только ведь жены у тебя нет, верно?»

Пикеринг снял капюшон, и волосы, постриженные в абсурдно дорогом салоне, наконец растрепались. Слегка растрепались – при такой длине большее невозможно. Дождевая вода текла по лбу и заливала глаза. Чтобы оценить ситуацию, Пикерингу хватило буквально полувзгляда.

– Мерзкая сучка! – взвыл он и бросился к столу, пытаясь схватить Эмили.

Она ударила его массивным разделочным ножом, сильно порезав развилку между большим и указательным пальцами правой руки. Полилась кровь, и Пикеринг закричал от боли и удивления. Наверное, скорее от удивления, ведь гиены не ждут, что жертвы станут сопро…

Сделав незаметный выпад, Пикеринг левой рукой схватил ее за запястье и резко крутанул. Что-то заскрипело или, возможно, хрустнуло. Так или иначе, правую руку пронзила добела раскаленная стрела боли. Эмили попыталась удержать нож, но разве в таком состоянии удержишь? Он перелетел через всю кухню, и когда Пикеринг выпустил запястье, рука Эмили повисла безвольно, как плеть.

Пикеринг бросился в атаку, но Эмили оттолкнула его обеими руками, не обращая внимания на вывихнутое запястье, которое буквально стонало от боли. Действовала она чисто инстинктивно, холодный рассудок подсказал бы: одним толчком Пикеринга не остановишь, только холодный рассудок скрючился от страха и был способен лишь надеяться на лучшее.

Пикеринг превосходил Эмили в весе, однако она прижала поясницу к щербатому выступу кухонного острова. Вдруг он отшатнулся с испуганным выражением лица, которое при любых других обстоятельствах показалось бы комичным, и наступил на кубик льда или сразу на несколько. На пару секунд маньяк Пикеринг превратился в Роуд-Раннера из мультика – по крайней мере так же отчаянно молотил ногами, стараясь удержать равновесие. Еще один шаг по кубикам – Пикеринг рухнул на пол и ударился затылком о дверцу холодильника, на которой красовалась свежая вмятина.

Пикеринг поднял окровавленную руку, озадаченно оглядел ее и закричал на Эмили:

– Сучка, мерзкая тупая сучка, посмотри, ты меня порезала! Зачем, мать твою, зачем?

Пикеринг попытался встать, но из-под ног полетели кубики льда, и он снова рухнул на пол. Подняться он собирался, опершись на правое колено, и буквально на секунду оказался к Эмили спиной. Она тут же схватила отломившийся подлокотник, с которого свисали серые клочья изоленты. Вот Пикеринг выпрямился в полный рост и обернулся. Эмили только этого и ждала. Короткий замах, и она ударила его по лбу подлокотником, который держала обеими руками. Правая кисть не желала сжиматься, но Эмили заставила. Древний инстинкт самосохранения советовал: кленовую палку нужно перехватить покрепче, тогда удар получится сильнее, а Эмили требовалась вся имеющаяся сила. Да ведь и в руках был подлокотник, а не бейсбольная бита!

Бам! Прозвучало не так громко, как когда Пикеринг распахнул навесную дверь, но вполне различимо, возможно, потому что дождь еще немного притих. Сначала больше ничего не произошло, но потом из раны, скрытой постриженными в абсурдно дорогом салоне волосами, потекла кровь. Эмили заглянула в ярко-голубые глаза Пикеринга: они выражали полное непонимание.

– Не надо! – пролепетал он и протянул руку, желая забрать деревянный обломок.

– Надо! – Эмили нанесла очередной удар.

Получился слайс, который задумывался как двуручный, но буквально в последний момент правая кисть не выдержала, превратив его в одноручный. Зазубренный, с торчащими щепками обломок подлокотника врезался Пикерингу в правый висок. Кровь потекла мгновенно, а голова резко качнулась к левому плечу. Яркие капли поползли по щеке и забарабанили по серому кафельному полу.

– Не надо! – просипел Пикеринг, отчаянно хватая воздух правой рукой.

Он напоминал утопающего, который отчаянно молит о помощи.

– Надо! – твердо возразила Эм и ударила снова.

Пикеринг закричал и, вжав голову в плечи, попытался спрятаться за кухонным островом. Он снова наступил на кубики льда, но на сей раз удержался на ногах. По счастливой случайности, как показалось Эмили, ведь кубики лежали аккурат под его ногами.

Она едва не упустила Пикеринга, думая, что тот метнется к двери, ведь сама поступила бы именно так. Но тут услышала спокойный голос отца: «Доченька, ему нужен нож».

– Нет! – прорычала Эмили. – У тебя ничего не выйдет!

Она попыталась обогнуть остров с другой стороны и опередить Пикеринга, только как бежать, если за тобой волочатся обломки стула, до сих пор прилепленные к левому колену – настоящее ядро на цепи, мать его! Обломки цеплялись за остров, путались под ногами, норовили ее опрокинуть. Стул явно был на стороне Пикеринга, и Эмили радовалась, что сломала его.

Пикеринг первым добрался до ножа, упавшего у двери, и с утробным рычанием бросился на него, словно блокирующий полузащитник на мяч. Эмили подоспела, уже когда Пикеринг переворачивался, и раз, другой, третий ударила его подлокотником по голове, крича от отчаяния, потому что чувствовала: подлокотник недостаточно тяжелый, а ее удары далеко не так сильны, как хотелось бы. Правое запястье распухало на глазах, реагируя на произвол, который над ним совершали. Неужели организм надеется пережить сегодняшний день?

Пикеринг рухнул на нож и перестал шевелиться. Эмили отступила на пару шагов, стараясь привести в порядок дыхание. По кухне снова понеслись белые точки с яркими, как у комет, хвостами, а в голове послышались мужские голоса. Подобное случалось далеко не впервые и уже перестало мешать. Порой голоса «включались» совершенно не вовремя. Порой, но не всегда.

ГЕНРИ. Вытащи чертов нож и воткни уроду между лопатками!

РАСТИ. Нет, доченька, к Пикерингу лучше не приближайся, он только этого и ждет. Мерзавец лишь прикидывается, что сознание потерял!

ГЕНРИ. Ну или в загривок, туда тоже неплохо! Полосни по его вонючей шее.

РАСТИ. Эмми, ощупью искать нож сейчас – что опускать руку в аквариум с пираньями. У тебя два варианта: забить его до смерти…

ГЕНРИ (*нехотя, но убежденно*)…или бежать.

Может, они правы, а может, и нет.

С ближней к ней стороны разделочного стола имелся ящик. Эмили открыла его, надеясь увидеть нож, а в идеале – целый арсенал: разделочные, филейные, столовые, для нарезки хлеба… Господи, хотя бы нож для масла! Увы, обнаружились лишь кухонные приборы из черного пластика: пара лопаток, половник, шумовка, а также другие штуковины, но самой опасной казалась картофелечистка.

– Эй, послушай! – Голос Эмили стал хриплым, чуть ли не гортанным. – Я не хочу тебя убивать, но, если вынудишь, убью. У меня тут вилка для мяса, попробуешь перевернуться – воткну тебе в затылок, да так, чтобы из яремной впадины вылезла.

Поверил ли ей Пикеринг? Это был вопрос номер один. Эмили чувствовала: он намеренно спрятал все ножи за исключением того, что сейчас лежал под ним. А как насчет других колюще-режущих предметов? Большинство мужчин даже не представляет, что хранится в ящиках на кухне, это Эмили знала из жизни с Генри и с отцом. Только Пикеринга не следовало сравнивать с другими мужчинами, а его кухню – с другими кухнями. Кухня Пикеринга скорее напоминала операционную. Тем не менее, учитывая его бессознательное состояние (а Пикеринг действительно без сознания?) и большую вероятность того, что он не захочет рисковать жизнью из-за собственной забывчивости, Эмили не сомневалась: план сработает. Тут возникал вопрос номер два: слышит ли он ее? А если слышит, то понимает ли? План, построенный на обмане, не сорвется лишь при условии, что человек, которого решено обмануть, понимает что к чему.

Стоять возле Пикеринга и размышлять она не собиралась: в данной ситуации это было бы худшим вариантом. Она наклонилась и подцепила последний виток ленты, который удерживал обломок стула. Пальцы правой руки категорически отказывались шевелиться, но Эмили заставила, да и вспотевшая кожа помогала. Стоило дернуть серую полоску вниз – раздался

пренеприятный треск, и лента начала отходить. Наверное, было больно, и на коленной чашечке появился ярко-красный обод (почему-то из глубин сознания всплыло слово «Юпитер»), только Эмили волновало другое. Изолента быстро отлепилась, соскользнула с лодыжки и бесформенным кольцом упала на кафельный пол. Эмили стряхнула ее со стопы и оттолкнула подальше. Свободна! В висках бешено стучало то ли от перенапряжения, то ли от удара, который нанес Пикеринг, когда она смотрела на труп девушки, уложенный в багажник «мерседеса».

– Николь, – вслух произнесла Эмили, – ее звали Николь.

Имя несчастной помогло вернуться к реальности. Теперь желание вытащить нож из-под Пикеринга казалось настоящим безумием. Часть сознания Эмили, говорившая голосом ее отца, была права: даже просто находясь в одной комнате с маньяком, она искушает судьбу. Таким образом, оставался один-единственный вариант – бежать.

– Эй, ты меня слышишь? Я ухожу, – объявила она.

Пикеринг не пошевелился.

– У меня вилка для мяса. Станешь преследовать – убью. Нет, лучше… лучше глаза тебе выколю! Поэтому разумнее всего лежать там, где лежишь, понял?

Пикеринг не пошевелился.

Эмили попятилась к двери, затем развернулась и шмыгнула в соседнюю комнату. Окровавленный подлокотник она так и не бросила.

8
На стене у кровати висела фотография

За дверью оказалась столовая, в ней длинный стол со стеклянной крышкой, а вокруг него семь стульев из красного клена. Восьмое место, где по правилам этикета надлежало сидеть хозяйке, пустовало. Ну разумеется! Глядя на свободное пространство, Эмили неожиданно вспомнила бусинку крови, появившуюся на нижнем веке, когда Пикеринг тараторил: «Понял, понял, ладно, ладно». Пикеринг поверил, когда она сказала, что о ее возможном визите в «Секретный объект» известно только Дику, и бросил ножик, маленький ножичек Николь в раковину.

Получается, нож для усмирения Пикеринга все-таки имелся, он с самого начала лежал в раковине. Только Эмили не собиралась возвращаться на кухню. Ни за что.

Из столовой она попала в коридор с пятью дверями: по две с каждой стороны плюс одна в конце. Первые две оказались незаперты: слева была ванная, справа – прачечная, в которой стояла стиральная машина с вертикальной загрузкой, а рядом – пачка «Тайда». Люк открыли и кое-как затолкали в него окровавленную рубашку. Эмили почти не сомневалась: это рубашка Николь, хотя наверняка знать не могла. Если рубашка впрямь принадлежит погибшей девушке, зачем Пикерингу ее стирать? Дыры-то «Тайдом» не сведешь! Во дворе шокированной Эмили почудилось, что на теле Николь добрый десяток ножевых ранений, что, естественно, не соответствовало действительности. Или соответствовало? Скорее всего это соответствовало бешеному припадку Пикеринга.

Открыв дверь за ванной, Эмили увидела комнату для гостей – эдакий темный стерилизатор, абсолютную пустоту которого нарушала лишь широкая кровать, заправленная с такой аккуратностью, что казалось, брось на покрывало монетку – отскочит как минимум пару раз. Служанка постаралась? «Нет, – подумала Эмили, – по данным наших исследований, ни одна служанка не переступала порог этого дома. Сюда вхожи только «племянницы».

Напротив комнаты для гостей находился кабинет, ничуть не уступавший ей в плане стерильности. В одном углу обнаружились сразу два стеллажа для документов, а рядом – письменный стол, на котором стоял лишь компьютер «Делл» под прозрачным пылезащитным чехлом. На полу из простых дубовых досок нет ковра, на стенах – ни картин, ни фотографий. На большом окне – жалюзи, почти не пропускавшие солнце, поэтому кабинет, равно как и комната для гостей, казался темным и заброшенным.

«Пикеринг никогда здесь не работал», – подумала Эмили и поняла, что попала в точку. Кабинет, по сути, являлся театральной декорацией, подобно всему дому, включая кухню, из которой она только что сбежала – страшная комната лишь выдавалась за кухню, а на самом деле была операционной с кафельным полом и легкоочищаемым гарнитуром.

Дверь в конце коридора оказалась закрыта и, приблизившись, Эмили поняла: она заперта. Появись из столовой Пикеринг, она попадет в западню: бежать некуда, а в последнее время бег был единственным, что у нее получалось, единственным, для чего она годилась.

Эмили подтянула шорты – они «ездили» на ней, потому что задний шов лопнул – и взялась за дверную ручку. Она слишком положилась на свои предчувствия и сперва не поверила, что ручка поворачивается. Она распахнула дверь и, судя по всему, оказалась в спальне Пикеринга. Спальня была почти такой же стерильной, как гостевая, хотя определенные различия имелись. Во-первых, вместо одной подушки на широкой кровати лежали сразу две, во-вторых, стеганое прокрывало (идентичное увиденному в комнате для гостей) свернули аккуратным треугольником, чтобы хозяин дома, уставший после тяжелого дня, скорее насладился свежестью чистых простыней. В-третьих, на пол постелили ковер, дешевый, с нейлоновым ворсом, зато от стены до стены. Генри наверняка назвал бы такой паласом для пятизвездного шалаша!

Тем не менее по цвету ковер гармонировал с темно-синими стенами и немого скрашивал убожество комнаты. Помимо кровати Эмили увидела письменный стол, совсем маленький, как школьная парта, и простой деревянный стул. Хотя после кабинета с большим (увы, закрытым) окном и дорогим компьютером спальня выглядела бледновато, у нее возникло чувство, что этот письменный стол используется, что Пикеринг действительно сидит за ним, сгорбившись, точно ученик сельской школы за неудобной партой, и пишет от руки. Что именно он пишет, ей думать не хотелось.

В спальне тоже имелось окно, тоже большое, но в отличие от кабинета и комнаты для гостей без жалюзи. Прежде чем Эмили успела выглянуть на улицу, ее внимание привлекла фотография, которая висела на стене у кровати. Точнее, фотографию не повесили (ее даже в рамку не поместили), а лишь прикололи кнопкой. На стене просматривались другие следы от кнопок: некогда и там были фотографии. Нынешний снимок оказался цветным с датой 19.04.07, пропечатанной в правом нижнем углу. Судя по качеству, снимали не цифровым, а каким-то древним фотоаппаратом, да и фотограф особой любви к своему занятию не испытывал. Зато наверняка испытывал возбуждение: все гиены возбуждаются, когда с заходом солнца появляется новая жертва. Снимок получился мутным, точно его делали при помощи телеобъектива, а объект даже в фокус не попал! Объект, длинноногая блондинка в джинсовых шортах и топе с глубоким вырезом и надписью «Бар «Времена пива» держала поднос в левой руке – ни дать ни взять официантка с первых картин Нормана Рокуэлла – и смеялась. Это Николь? Полной уверенности не было: снимок не отличался четкостью, да и убитую Эмили видела лишь несколько секунд. Но в глубине души она не сомневалась: перед ней Николь.

РАСТИ: Доченька, сейчас это не важно. Тебе нужно вы браться из спальни, выбраться из западни и бежать.

Словно в подтверждение его слов дверь между кухней и столовой распахнулась и, судя по грохоту, слетела с петель.

«О нет! – каменея от ужаса, подумала Эмили. Вряд ли она обмочилась снова, хотя, даже случись такая неприятность, наверняка не почувствовала бы. – Нет, только не это!»

– Любишь жесткую игру? – громко поинтересовался Пикеринг, голос которого звучал глухо, но вполне бодро. – Я умею играть жестко! Никаких проблем! Ты этого хочешь? Только попроси – папочка исполнит любое желание!

Он уже в столовой! Он приближается! За тяжелым «бум!» раздалось раскатистое «бабах!» – очевидно, Пикеринг налетел на стулья, стоявшие там, где по правилам этикета надлежало сидеть хозяину, и повалил их на пол. У Эмили закружилась голова, а все вокруг посерело, хотя в спальне было довольно светло: дождь почти перестал.

Она прикусила разбитую губу. По подбородку потекла свежая кровь, зато в призрачно-серый мир вернулись краски реальности. Эмили захлопнула дверь и потянулась к замку, чтобы закрыть его на ключ. Замка не было! Оглядевшись по сторонам она заметила у школьного деревянного стола школьный же деревянный стул. Когда прихрамывающий Пикеринг пустился бежать мимо прачечной и кабинета – а про нож он вспомнил? Разумеется, вспомнил! – Эмили схватила стул и заблокировала им дверную ручку, предварительно ее повернув. Буквально через секунду Пикеринг толкнул дверь обеими руками.

Окажись пол голым, стул заскользил бы по нему, как деревянный диск в палубном шаффлборде. Тогда пришлось бы сыграть в бесстрашную укротительницу львов и использовать стул для самообороны. Вряд ли это остановило бы Пикеринга! Слава богу, на полу лежал ковер! Пусть дешевый, нейлоновый, зато с длинным ворсом. Ножки стула точно застряли в нем, хотя Эм заметила, что на ковре появились волны. Дико заревев, Пикеринг стал колотить в дверь кулаками, а Эм – надеяться, что в порыве бешенства он напорется на нож или даже горло себе перережет.

– Открой дверь! – орал Пикеринг. – Открой! Ты только хуже себе делаешь!

«А хуже бывает?» – подумала она, попятилась от двери и огляделась по сторонам. Что теперь? Раз дверь была лишь одна, оставалось окно.

– Леди Джейн, не доводи меня до безумия!

«Да ты давным-давно свихнулся! Как Шляпник в Алисе!»

Окно было типично флоридское, такие ставят, чтобы любоваться видом, а не чтобы открывать: кондиционер же есть. Как действовать дальше? Выброситься из окна, как Клинт Иствуд в одном старом вестерне? Да, можно, в детстве подобные трюки ей очень нравились, но ведь сейчас она осознает, насколько велик риск порезаться. Клинта Иствуда, Шона Коннери и Стивена Сигала в сценах с пробиванием окон заменяли каскадеры, да и в тех окнах наверняка были особые стекла.

В коридоре опять послышались шаги: Пикеринг отступил, потом снова налетел на дверь. Он был настроен решительно, и дверь, несмотря на всю тяжесть, содрогнулась. На сей раз стул сдвинулся на пару дюймов, но, к счастью, не упал. Зато ковер снова покрылся волнами и начал рваться со звуком, чем-то напоминающим треск отклеивающейся изоленты. Для человека, которого только что колотили по голове и плечам тяжеленной кленовой палкой Пикеринг казался поразительно бодрым. Наверное, безумию своему вопреки, он понимал: если пленница свободу обретет, то он – вмиг потеряет. Да, безумие вкупе с рациональностью создают отличную мотивацию.

«Зря я подлокотником ограничилась, лучше бы весь чертов стул о его голову сломала!» – подумала Эмили.

– Хочешь поиграть? – сипло поинтересовался Пикеринг. – Я за, обеими руками! Только играем мы в моей песочнице, вот… Вот… я… иду!

Он снова пнул дверь, которая подпрыгнула на разболтавшихся петлях, а стул отодвинулся еще на два-три дюйма. Между ножками и дверью появились темные каплевидные пятна – прорехи в дешевом ковре.

Значит, все-таки окно… Раз уж ей суждено умереть от кровотечения, раны лучше нанести самой. Если… если обернуться покрывалом, может…

Тут ее взгляд упал на письменный стол.

– Мистер Пикеринг! – закричала Эмили, схватив стол за бока. – Подождите! Хочу заключить с вами сделку!

– Никаких сделок с сучками, ясно? – раздраженно рявкнул Пикеринг, но замер, вероятно, чтобы восстановить дыхание, и таким образом дал ей время. Большего и не требовалось: немного времени, а не пылкие заверения в том, что он не привык заключать сделки с сучками. – Ну, что у тебя за план? Расскажи папочке Джиму!

Сейчас ее планом был стол. Эмили подняла его, почти уверенная, что надорванная поясница лопнет словно воздушный шар. Только стол оказался легким и стал еще легче, когда с него слетела скрепленная резинкой стопка… неужели университетских тетрадей для экзаменационных работ?

– Что ты задумала? – рявкнул Пикеринг. – Не смей!

Эмили бросилась к окну, резко затормозила и швырнула стол. От звона битого стекла чуть не лопнули барабанные перепонки. Не тратя времени на раздумья и взгляды вниз – думать в такой ситуации ни к чему, а от созерцания высоты мог проснуться страх, – Эмили сдернула покрывало с кровати.

Пикеринг снова налетел на дверь, и хотя стул снова выдержал (в этом Эмили не сомневалась, ведь иначе он на всех парах мчался бы к ней), раздался громкий треск.

Она завернулась в покрывало, превратившись в индианку из детских книг с иллюстрациями Н.К. Уайета, готовую выйти под снегопад, и прыгнула в обрамленную зазубринами брешь в тот самый момент, когда дверь наконец распахнулась. Несколько колючих стеклянных стрел оторвались от рамы и вонзились в покрывало, но ни одна из них ее не поранила.

– Сучка, мерзкая сучка! – где-то рядом, совсем рядом заорал Пикеринг, но Эмили уже шагнула в пустоту.

9
Сила тяжести – наше все

В детстве Эмили считалась сорванцом и предпочитала мальчишечьи игры (любимая называлась просто «Войнушка») в лесу за домом в предместье Чикаго бестолковой возне с Барби и Кеном. Она, не снимая, носила джинсы с кроссовками, а волосы убирала в хвост. Вместо сестер Олсен они с лучшей подругой Бекки смотрели по телевизору Иствуда со Шварценеггером, а после очередной серии «Скуби-Ду» представляли себя именно Скуби или Скраппи, а не Вельмой или Дафной. Первые два класса начальной школы все, что они ели на ленч, называлось скубиками.

Разумеется, девчонки лазали на деревья. Одно лето они, в ту пору девятилетние, только этим и занимались. Помимо папиных советов о том, как правильно падать, из того лета Эмили запомнила белый крем, который каждое утро мама намазывала ей на нос, и строгим – только посмей ослушаться! – голосом говорила: «Ни в коем случае не вытирай, поняла, Эмми?»

Однажды Бекки потеряла равновесие и чуть не упала на лужайку Джексонов с высоты пятнадцати футов (может, всего десяти, но для девчонок они были все равно что двадцать пять или даже пятьдесят). Спасла Бекки лишь толстая ветка, за которую она ухватилась и повисла, жалобно взывая о помощи.

В то утро Расти косил лужайку. Он подошел к дереву – да, неторопливо подошел, а не подбежал, успев даже выключить косилку «Бриггс энд Страттон», – и поднял руки. «Прыгай!» – велел он, и доверчивая Бекки, лишь двумя годами раньше верившая в Санту, спрыгнула. Расти без труда ее поймал, позвал дочь: «Спускайся, Эм!» и усадил обеих девочек у подножия дерева. Бекки глотала слезы, а Эмили боялась в основном того, что лазанье по деревьям переведут в разряд запрещенного, как, например, походы в круглосуточный магазин без взрослых после семи вечера.

Расти не запретил лазать по деревьям (хотя мать Эмили, выгляни она в окно кухни, поступила бы именно так). Вместо этого он научил девочек падать. После объяснений Бекки с Эмили целый час оттачивали навык на практике. День получился прекрасным: ярким и запоминающимся.

Выпрыгивая в окно, Эмили увидела, как далеко от нее мощенный плиткой дворик. Может, лишь в десяти футах, но вылетающей из разбитого окна в изрезанном покрывале Эм казалось, что в двадцати пяти, а то и в пятидесяти.

«Берегите колени! – учил их с Бекки Расти шестнадцать или семнадцать лет назад, в пору белых носов и лазанья по деревьям. – Не заставляйте их гасить силу удара. В девяти случаях из десяти так и случится, особенно если высота небольшая, но за это можно поплатиться переломом бедра, голени или особенно часто – лодыжки. Запомните, сила тяжести – наше все. Не сопротивляйтесь ей, а, наоборот, доверьтесь, используйте. Поджимайте колени, группируйтесь, сворачивайтесь в клубок».

Сгруппировавшись еще в воздухе, Эмили упала на красную, в испанском стиле плитку двора и осторожно повела плечом, переместив тяжесть тела влево. Боль не появилась, по крайней мере сразу, зато все тело дрожало, как пустая шахта мусоропровода, в которую швырнули тяжелый предмет. Хорошо, голову о каменную плитку не расшибла и не сломала ноги, хотя последнее окончательно прояснится, лишь когда она встанет.

Эм с силой толкнула стоявший неподалеку столик, и он опрокинулся. Ну вот, теперь можно подниматься! Она выпрямилась в полный рост, убедившись, что серьезных повреждений не получила. Обернувшись, она увидела в разбитом окне Пикеринга: скривившись от злобы, тот размахивал ножом.

– Стой! – заорал он. – Стой на месте, не смей убегать!

«Ну конечно!» – подумала Эмили. Дождь успел превратиться в туман, мгновенно покрывший лицо росой. Как хорошо! Она подняла средний палец и покачала им для убедительности.

– Сука, что ты мне показываешь?! – взревел Пикеринг и швырнул в нее нож.

Меткостью он явно не отличался: нож упал далеко, со стуком покатился по плитке, а у газового гриля раскололся на рукоять и лезвие. Когда Эмили снова подняла голову, в разбитом окне никого не было.

Голос отца предупредил: Пикеринг приближается, но предупреждения ей и не требовались. Она подошла к краю дворика – легко, без малейших признаков хромоты, хотя списала это на повышенный выброс адреналина – и глянула вниз. До песка и униолы три жалких фута – ерунда по сравнению с прыжком-полетом, который она только что совершила. За двориком простирался пляж, где она десятки раз бегала по утрам.

Посмотрев в противоположном направлении, то есть на дорогу, Эмили расстроилась. Уродливая бетонная стена была слишком высокой, а Пикеринг приближался. Конечно, как же иначе!

Она оперлась на декоративную кирпичную кладку и спрыгнула на песок. Униола защекотала обнаженные бедра. Эмили побежала вверх по дюне, отделяющей «Секретный объект» от пляжа, то и дело подтягивая лопнувшие шорты и оглядываясь. Никого, снова никого… А потом из черного хода вылетел Пикеринг. «Не смей убегать! – истошно кричал он. – Не смей!» Желтый дождевик он, судя по всему, оставил дома, зато захватил какой-то острый предмет и размахивал им, летя через дворик. Что именно было у Пикеринга в левой руке, она не видела и видеть не хотела, ведь для этого следовало подпустить его поближе.

Эмили чувствовала: Пикерингу ее не догнать. Бежал он словно типичный спринтер, который быстро устанет, как бы сильно ни подгоняли его безумие и страх перед разоблачением.

«Я будто специально тренировалась все эти месяцы», – подумала она. Тем не менее она едва не допустила непоправимую ошибку, когда, добравшись до пляжа, хотела свернуть на юг. Четверть мили, и она достигла бы оконечности Вермиллион-Ки. Естественно, она позвала бы дежурного по мосту (точнее, заорала бы во все горло), но, если Пикеринг «разобрался» с Диком Холлисом, а Эмили не сомневалась, что случилось именно так, ей пришел бы конец. Даже если ее крик услышат проплывающие мимо на лодках, Пикеринг вряд ли стушуется. В нынешнем состоянии ему море по колено – он попытается заколоть ее даже в киноконцертном зале «Рэдио-Сити» в разгар выступления шоу-группы «Рокетс».

Поэтому Эмили повернула на север. Две мили по пустынному пляжу, и она попадет в «Зеленый шалаш». Она скинула кроссовки и побежала.

10
Ее удивляла лишь красота

Эмили далеко не впервые бегала по пляжу после короткого, но сильного дождя, поэтому влага, конденсирующаяся на лице и руках, была ей знакома. Равно как усилившийся шум прибоя (прилив уже начался, и пляж превращался в узкую полоску), а еще запахи соли, водорослей, цветов и даже сырого леса. Собственный страх ее не удивлял – участникам военных действий, которые обычно, хотя и не всегда заканчиваются благополучно, всегда страшно – ее удивляла красота.

Из Мексиканского залива приполз туман. Сквозь белую пелену вода тянулась к берегу блеклым зеленым призраком. Рыба, видимо, устремилась на нерест, потому что пеликаны устроили настоящий «шведский стол»: ешь, сколько можешь. Большинство птиц складывали крылья и бросались в воду навстречу своему отражению. Другие покачивались на волнах у самого берега, на вид безучастнее целлулоидных уточек, хотя сами пристально следили за бегущей Эм. Слева тусклой бронзовой монеткой поблескивало солнце.

Она боялась, что правую икру снова сведет судорога – в этом случае ей несдобровать. Только ее икры давно привыкли к бегу, поэтому мышцы оставались мягкими и эластичными, хотя, пожалуй, слишком теплыми. Вот поясница беспокоила больше – каждые три-четыре шага ее терзала острая резкая боль, а каждые десять – двенадцать – вспышка посильнее. Эмили мысленно уговаривала поясницу, умасливала, как ребенка, обещала горячие ванны и массаж шиацу, когда этот кошмар закончится и несущегося по ее следу монстра благополучно запрут в тюрьме округа Колье. Помогли либо щедрые посулы, либо сам бег являлся неплохим массажем, во всяком случае, у Эм были причины в это верить.

Пикеринг дважды орал, чтобы она остановилась, потом затих – вероятно, решил не сбивать дыхание. Когда Эм оглянулась в первый раз, их разделяло ярдов семьдесят, и в густой вечерней дымке четко просматривалась лишь красная тенниска «Изод». Когда оглянулась снова, фигура преследователя стала четче: теперь Эмили видела и окровавленные шорты цвета хаки. Пикеринг приблизился ярдов на двадцать, но дышал тяжело и неровно. Отлично! Сбившееся дыхание – это просто отлично!

Она перепрыгнула через кучу плавника, и шорты поползли вниз. Не дай бог наступить на них и потерять равновесие! Снимать шорты элементарно не было времени, поэтому она судорожно дернула за пояс, жалея, что шорты не затягиваются шнурком: сейчас мигом завязала бы его потуже, да хоть в зубах бы зажала!

Сзади послышался вопль, в котором звучали и страх, и ярость. Похоже, Пикеринг наконец сообразил: сегодня удача не на его стороне. Эм рискнула оглянуться еще раз и поняла: ее надежды не напрасны – Пикеринг споткнулся о кучу плавника, через которую она перепрыгнула, и упал на колени. Новое оружие серебристой буквой «Х» лежало перед ним на песке. Это ножницы, большие кухонные ножницы, такими повара разрезают хрящи и кости. Пикеринг схватил их и спешно поднялся на ноги.

Эмили неслась по берегу, понемногу увеличивая темп. Сознательно она это не планировала, неужели тело действовало бесконтрольно и самостоятельно? Вряд ли. Скорее включилась область контакта тела и разума, некий симбиоз. Этот симбиоз хотел абсолютного контроля, и Эмили не возражала. Хотел включаться медленно и незаметно, чтобы летящий по пятам монстр ни о чем не догадался. Хотел подразнить Пикеринга: пусть сам увеличит темп и немного сократит отставание. Хотел измотать и измочалить маньяка. Хотел, чтобы маньяк хрипел и сипел, даже в кашле заходился, если он курильщик (нет, уповать на это вряд ли стоит). Тогда Эмили задействует ускоряющую передачу, которую до сих пор почти не использовала, считая это искушением судьбы вроде полетов на восковых крыльях в солнечную погоду. Только

сейчас выбора не было. А судьбу она искусила уже когда за глянула на мощеный дворик «Секретного объекта».

«А что мне оставалось после того, как я увидела окровавленную прядь? Может, это судьба искусила меня, а не наоборот».

Она бежала дальше, отпечатывая шаги на влажном песке. Когда обернулась снова, Пикеринг отставал на сорок ярдов, что вполне ее устраивало. Сорок ярдов и красное взмокшее лицо устраивали более чем.

Чуть западнее тучи разошлись с характерной тропической быстротой, мгновенно сделав унылый серый туман сверкающе белым. Казалось, на пляже включили прожектор: на песке появились ярко освещенные островки. Эмили пронеслась сквозь такой, почувствовав, как температура и влажность подскочили, но, стоило вернуться в объятия тумана, тут же упали. Ощущения были такими же, как при пробежке мимо открытой двери «Лондромата» в холодный зимний день. Впереди меж облаков появилась брешь, напоминающая глаз сиамской кошки, а в ней – двойная радуга с четкими сияющими полосками. Один ее конец нырнул в рассеивающийся туман и окунулся в воду, другой дотянулся до материка и утонул среди пальм и вощеного лиродревесника.

Задев левой ногой правую лодыжку, Эмили споткнулась, едва не упала, но все-таки удержала равновесие. Теперь Пикеринг отставал лишь ярдов на тридцать, что казалось недостаточным. Все, хватит глазеть на радугу! Если не взять себя в руки, эта радуга станет последней в ее жизни.

Отвернувшись от Пикеринга, она увидела мужчину, который стоял по колено в воде и изумленно на них таращился. Из одежды на нем были только джинсовые шорты и насквозь промокший шейный платок красного цвета. Смуглая кожа, темно-карие глаза, каштановые волосы – незнакомец вышел из воды, и Эмили машинально отметила, что, несмотря на невысокий рост, сложен он прекрасно. На загорелом лице читалась тревога. Слава богу, что не апатия или равнодушие!

– Помогите! – закричала она. – Помогите, пожалуйста!

Незнакомец встревожился еще сильнее.

– *Secora? Qué ha pasado? Quer es lo que va mal?*[9]

По-испански Эмили почти не понимала: так, отдельные слова, но, услышав мексиканское произношение, забыла и их. Не важно! Этот парень наверняка обслуживал один из богатых домов и, воспользовавшись дождем, решил искупаться в Заливе. Вероятно, у него не было грин-карты, но ведь для спасения ее жизни она и не требовалась! Перед ней стоял мужчина, физически сильный и, к счастью, неравнодушный. Эмили бросилась к нему, чувствуя, как футболка намокла от его влажной кожи.

– Он сумасшедший! – заорала Эмили прямо в смуглое лицо. Получилось это без труда, потому что они с мексиканцем были почти одного роста. Тут, к счастью, вспомнилось очередное испанское слово, и не какое-то, а очень нужное в этой ситуации: – Loco! Loco! Loco![10]

Парень крепко обнял ее за плечи и обернулся. Проследив за его взглядом, Эмили увидела Пикеринга. Маньяк улыбался. Улыбка получилась славной, немного смущенной. Ее искренность снимала все вопросы, возникающие при виде бурых пятен на шортах и опухшего от побоев лица. А где… где же ножницы? Правая рука с глубоким порезом между большим и указательным пальцами оказалась пустой!

– *Es mi esposa,* – проговорил Пикеринг. И смущения, и искренности в его голосе было не меньше, чем в улыбке, а сбившееся от бега дыхание лишь усиливало нужный эффект. – *No*

---

[9] Сеньора, в чем дело? Что стряслось? (*исп.*)

[10] Сумасшедший! (*исп.*)

te preocupes. Ella tiene…[11] – Он забыл, или якобы забыл, нужное испанское слово и с той же обезоруживающей улыбкой развел руками. – Проблемы. У нее проблемы.

В глазах мексиканца мелькнуло неподдельное облегчение.

– *Problemas?*

– *Si,* – согласился Пикеринг и поднес левую руку ко рту, изобразив стакан или бутылку.

– А… – понимающе кивнул мексиканец. – Алкоголь?

– Нет! – закричала Эмили, чувствуя: еще немного, и мексиканец спихнет ее Пикерингу. Не нужна ему странная *secora* с ее непонятными *problemas*! Она дыхнула ему в лицо – пусть почувствует, что спиртным от нее не пахнет – и выразительно показала на свою разбитую губу. – Это он сделал! *Loco!*

– Не верь, брат, она сама постаралась, – возразил Пикеринг. – Понял?

– Угу, – кивнул мексиканец, но Эмили не оттолкнул.

Он явно пребывал в нерешительности. Неожиданно Эмили вспомнила еще одно слово, усвоенное в глубоком детстве, когда они с Бекки в перерывах между «Скуби-Ду» смотрели детские обучающие шоу.

– *Peligro*[12], — произнесла она, с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать. Нет, нельзя, кричат только безумные *esposas*. – Он *peligro*! – Эмили впилась взглядом в мексиканца. – *Secor Peligro*!

Засмеявшись, Пикеринг потянулся к Эмили. Господи, он близко, совсем близко, у аквариума с пираньями выросли руки! В панике она оттолкнула Пикеринга, который этого никак не ожидал и не успел восстановить дыхание. От удивления его глаза округлились, но он не потерял равновесия, а лишь неловко отступил на шаг. Из-за пояса шорт выпали ножницы – хитрый мерзавец прятал их на правом боку, – и несколько секунд все трое завороженно смотрели на металлическое «Х», тускло поблескивающее на влажном песке. Монотонно ревел прибой. В рассеивающемся тумане пели птицы.

[11] Это моя жена. Не беспокойся. У нее… (*исп.*)

[12] Опасный (*исп.*).

11
Она поднялась и побежала

На губах Пикеринга снова заиграла славная обезоруживающая улыбка, которой он наверняка покорил немало «племянниц».

– Я бы объяснил, да на твоем языке плохо болтаю. Ладно, постараюсь подоходчивее. – Он стукнул себя кулаком в грудь – получилось очень в стиле Тарзана. – *No Secor Loco, no Secor Peligro,* понял? – Это прозвучало еще более или менее правдоподобно, только Пикеринг точку не поставил. Продолжая улыбаться, он ткнул пальцем в Эм. – *Ella es bobo perra*[13].

Эм не представляла, что значит *bobo perra*, зато увидела, как изменилось выражение лица Пикеринга, когда он это говорил. В основном изменения касались верхней губы, которая приподнялась, как у оскалившейся собаки. Взмах руки, и мексиканец оттолкнул Эмили назад, фактически заслонив собой. Он явно решил ее защитить и даже нагнулся за металлическим «Х», тускло поблескивавшим в песке.

Потянись он за ножницами прежде, чем отталкивать Эм – все могло получиться. Только Пикеринг сообразил, что ситуация выходит из-под контроля, и нырнул за ножницами сам. Он добрался до них первым и вонзил острые концы в левую, облепленную песком ногу мексиканца. Тот вытаращил глаза и закричал от боли.

Мексиканец хотел дать сдачи, но его обидчик упал на бок, поднялся («Да, молниеносная быстрота никуда не делась», – с досадой подумала Эм) и ловко ускользнул от удара. Буквально через секунду он по-дружески обнял мексиканца за мускулистые плечи и вонзил ножницы ему в грудь. Несчастный закричал и попытался вырваться, только Пикеринг держал его крепко и колол, колол, колол ножницами. Удары получались неглубокими – уж слишком быстро махал ножницами Пикеринг – только кровь лилась ручьем.

– Нет! – закричала Эмили. – Нет, нет, перестань!

Пикеринг обратил к ней полыхающий безумным огнем взгляд, а в следующий миг вонзил ножницы в рот мексиканца с такой силой, что стальные кольца ударились о передние зубы.

– Ну, понял? – осведомился Пикеринг. – Теперь понял, ты, немытый мексикашка?!

Эмили огляделась по сторонам. Где же плавник, хоть одна ветка, чтобы ударить негодяя? Не обнаружив ничего подходящего, она повернулась к дерущимся. Только драка уже закончилась – ножницы торчали из левого глаза мексиканца. Он медленно, словно отвешивая глубокий поклон, осел на землю, а Пикеринг нагнулся вслед за ним: ему нужно было вытащить ножницы.

Она с криком налетела на безумного маньяка и плечом двинула в живот, машинально отметив, что живот мягкий: мерзавец отлично питался.

У Пикеринга сбилось дыхание. С ненавистью взглянув на Эмили, он повалился на спину, но далеко беглянку не отпустил: ловко схватил за ногу и вонзил в лодыжку ногти. Совсем рядом бился в конвульсиях истекающий кровью мексиканец. Он лежал на спине, и Эм с ужасом поняла: то, что тридцать секунд назад было красивым лицом, разбито в фарш, серьезно не пострадал лишь нос.

– Иди сюда, леди Джейн! – Пикеринг подтянул ее к себе. – Давай позабавимся! Ты ведь не против забав, а, мерзкая сучка?

Он был явно не обделен физической силой и, как ни цеплялась за песок Эмили, все равно выигрывал. Сперва ее стопу обожгло горячее дыхание, а потом в пятку вонзились зубы.

Никогда в жизни она не чувствовала такой боли; расширившиеся от ужаса глаза четко различали каждую песчинку. Вскрикнув, Эмили лягнула правой ногой и, к счастью – о том,

[13] глупая сучка (*исп.*).

чтобы целиться, речь не шла, – пнула не воздух, а Пикеринга, и пнула сильно. Он взвыл, резкая боль в левой пятке исчезла так же внезапно, как появилась, оставив лишь жжение. На лице Пикеринга что-то хрустнуло – Эмили не только услышала это, но и ощутила. Что же хрустнуло: скула или нос?

Она встала на четвереньки, и вывихнутое запястье пронзила боль, тотчас заглушившая жжение в пятке. На миг она превратилась в замершую на старте бегунью, хотя к старту в рваных шортах не допускают, а потом, словно услышав выстрел судьи, побежала. Техника заметно изменилась: укушенная пятка заставляла прихрамывать. Эмили спустилась к самой воде. В голове царил хаос (теперь она казалась не стайером, а хромой помощницей шерифа из старого вестерна), но недремлющий инстинкт самосохранения подгонял: «Беги, беги по влажному песку!» Эмили судорожно подтянула шорты и заметила: ладони испачканы кровью и песком. Обреченно всхлипнув, она по очереди вытерла их о футболку и обернулась: вдруг все-таки… Напрасные надежды – Пикеринг приближался.

Она старалась, бежала что было мочи, холодный влажный песок успокаивал укушенную пятку, но об обычной технике и обычной скорости оставалось только вспоминать. Пикеринг приближался, очевидно, вложив в финишный спурт последние силы. Двойная радуга бледнела на глазах: облака расходились, и температура стремительно повышалась.

Эмили понимала: ее отчаянных усилий недостаточно. Она могла бы сбежать от старика, старухи, своего зануды-мужа, но не от бешеного ублюдка, который несся за ней по пятам. Пикеринг ее поймает. Чем бы треснуть, когда случится неминуемое? Она огляделась по сторонам, но увидела лишь кострище – памятку о чьем-то пикнике. Увы, оно было слишком далеко и от нее, и от береговой линии – там, где песок сменяют поросшие униолой дюны. Если свернуть в опасный рыхлый песок, погоня закончится еще быстрее. Однако даже у воды положение становилось критическим. Пикеринг приближался: Эм слышала, как он хрипит и фыркает, давясь кровью, текущей из разбитого носа. Она слышала даже частый стук кроссовок о влажный песок. В тот момент ей так хотелось кого-нибудь встретить, что воображение услужливо нарисовало высокого седовласого мужчину с большим носом и высушенной солнцем кожей. Это же отец, ее последняя надежда! Стоило осознать это, и мираж растаял.

Пикеринг подобрался почти вплотную, дотянулся до ее спины, и чуть не вцепился в футболку, но пальцы соскользнули. В следующий раз не соскользнут. Эмили вошла в воду – сперва по колено, затем по пояс. В воспаленном мозгу появилась идея, расплывчатая, еще не сформировавшаяся окончательно: от Пикеринга можно уплыть или хотя бы дать ему бой в воде, где силы будут более или менее равны. По крайней мере вода погасит бешеную скорость атаки – естественно, если забраться поглубже.

Прежде чем она нырнула в воду и сделала первый гребок – какое там, она даже по пояс не зашла, – Пикеринг схватил ее за футболку и потащил назад, к берегу.

Едва над ее левым плечом мелькнули ножницы, Эмили вцепилась в них и попыталась вырвать из рук Пикеринга. Увы, ничего не получилось. Ноги на ширине плеч, стопы плотно прижаты ко дну, Пикеринг стоял по колено в воде, и отливные, шуршащие прибрежным песком волны ему не особо мешали. А вот Эмили споткнулась и упала на Пикеринга, повалив его в воду. Даже суматошное барахтанье среди волн не помешало ей оценить обстановку мгновенно и безошибочно. Поразительная догадка яркой вспышкой озарила ее сознание – Пикеринг не умел плавать! Владел домом у Мексиканского залива, но не умел плавать! Хотя определенная логика просматривалась: все его визиты на Вермиллион-Ки посвящались игрищам в закрытом помещении.

Эмили отодвинулась, а Пикеринг даже не попытался ее схватить. Он сидел по грудь в бурной воде Залива и явно мечтал лишь встать и уберечь свое драгоценное дыхание от стихии, с которой так и не научился справляться.

Если бы не усталость, Эмили непременно поддела бы его. Например, сказала бы: «Знай я правду заранее, не стала бы терять времени и спасла бы жизнь тому нечастному». Вместо этого она глубже вошла в воду и схватила Пикеринга.

– Нет! – заорал он, отбиваясь обеими руками. Ножниц в них не было: вероятно, утонули, а запаниковавший Пикеринг даже не думал о том, чтобы сжать кулаки. – Не смей! Отпусти, сука, отпусти!

Эмили не отпускала. Более того, тащила его на глубину. Перестань он паниковать, запросто вырвался бы, но он не мог, и Эмили поняла: дело не просто в неумении плавать. Пикеринг страдал водобоязнью.

«Зачем нужен дом на берегу Мексиканского залива, если у тебя водобоязнь? Это же безумие, чистое безумие!»

Эмили развеселилась, хотя Пикеринг бешено хлестал ее сначала по правой щеке, затем по левому виску. В рот попала вода, и Эмили быстро сплюнула. На глубину, скорее на глубину! Увидев высокую, блестящую на солнце волну с белым барашком на вершине, она окунула туда Пикеринга. Вода накрыла его с головой, и испуганные крики превратились в сдавленное бульканье. Пикеринг отчаянно бился в ее объятиях. Пару секунд оба были под водой, и, задержав дыхание, Эмили увидела, как его лицо превращается в бледную маску ужаса; нечеловеческое лицо нечеловека – что ж, все встало на свои места. В зеленоватой воде танцевали мириады песчинок, мимо проплыла мелкая, ни о чем не подозревающая рыбка.

Глаза Пикеринга вылезли из орбит. Течение трепало его волосы, постриженные в абсурдно дорогом салоне, и Эм следила за ними во все глаза. Когда короткие темные пряди повернуло в другом направлении – не к Флориде, а к Техасу, Эмили изо всех сил толкнула его, затем коснулась ногами песчаного дна и вынырнула на поверхность.

Воздух, блестящий, сияющий воздух! Эмили жадно глотала его: еще, еще и еще. Надышавшись, медленно побрела к берегу, что оказалось непросто, несмотря на его близость. Отливные волны, скользившие у ее ног, с небольшой натяжкой можно было бы назвать откатом, а чуть дальше от суши – и без натяжки. Чуть дальше начинался водоворот, в котором погиб бы даже опытный пловец, если бы потерял голову и не рассчитал оптимальную траекторию движения.

Запнувшись, Эм потеряла равновесие, села, и ее тут же окатила подлетевшая волна. Как здорово! Холодно, но все равно здорово! Впервые со дня смерти дочери ей было хорошо. Даже не просто хорошо: болела каждая клеточка тела, по щекам текли слезы, но она чувствовала себя прекрасно.

Эмили поднялась, ощущая, как липнет к груди промокшая футболка. Волны уносили от берега что-то голубое, и, взглянув на себя, она поняла, что потеряла шорты.

– Ну и ладно, все равно порвались, – сказала Эм и, громко смеясь, начала отступать к берегу. Сперва вода доходила до колен, потом до голеней и, наконец, лишь до щиколоток. На такой глубине она могла стоять сколько угодно. Холодная вода почти успокоила саднящую боль в пятке, а морская соль наверняка отличный антисептик, ведь говорят же, что человеческий рот – настоящий рассадник микробов. – Да уж, – хохотала Эмили, – но какого черта…

Тут на поверхность воды вынесло Пикеринга. Он был уже футах в двадцати пяти от берега, бешено махал руками и кричал: «Помоги! Помоги! Я не умею плавать!»

– Знаю, – спокойно сказала Эм и сделала ему ручкой. – Может, акулу встретишь. На прошлой неделе Дик Холлис говорил, у них нерест.

– Помог… – очередная волна накрыла Пикеринга с головой, Эмили решила, что окончательно, но его вынесло на поверхность уже футах в тридцати от берега, – …мне! Пожалуйста!

Надо же, какой живучий! А ведь то, что он делал – молотил руками, словно надеясь чайкой взлететь над волнами, в принципе не могло принести результат. Течение уносило Пикеринга все дальше, а спасать его было некому.

Разве что Эмили.

Вернуться он не мог даже теоретически, но Эмили все равно добрела до брошенного кострища, схватила самую большую из обугленных палок и вместе со своей удлинившейся тенью осталась смотреть на залив.

12
Наверное, такой вариант мне больше нравится

Держался Пикеринг долго. Сколько именно, Эмили сказать не могла, ведь он забрал ее часы. Сначала он перестал кричать, потом превратился в белую точку над красной кляксой тенниски «Изод», а потом разом исчез. Через некоторое время Эм почудилась рука, поднявшаяся над водой наподобие перископа, но она ошиблась: Пикеринг просто исчез. Эх… Она не на шутку расстроилась. Скоро она станет собой, даже чуть лучше, но в тот самый момент… В тот самый момент ей хотелось, чтобы Пикеринг продолжал страдать, чтобы умирал долго и мучительно. Хотелось отомстить за Николь и остальных «племянниц».

«Я теперь тоже «племянница»?»

Да, пожалуй. Последняя «племянница». Которая бежала во весь опор. Которая выжила. Эмили села у брошенного кострища и отшвырнула обугленную палку. Вряд ли из нее получилась бы приличная дубинка, скорее от первого же удара она раскрошилась бы, подобно рашкулю. Огненно-оранжевое солнце ласкало западный горизонт. Еще немного, и он воспламенится.

Она думала о Генри, думала о маленькой дочке. От семьи ничего не осталось, но ведь когда-то она была такой же прекрасной, как двойная радуга над пляжем, и воспоминания о ней согревали душу. Она думала об отце. Скоро она встанет, доберется до «Зеленого шалаша» и позвонит ему. Скоро, но не сейчас. Сейчас хотелось просто сидеть на пляже, прижав стопы к песку, и обнимать колени ноющими от боли руками.

Ни рваные голубые шорты, ни красную тенниску Пикеринга к берегу не прибило. Мексиканский залив проглотил и то и другое. Пикеринг утонул? Этот вариант казался наиболее вероятным. Просто исчез он внезапно и не под волну попал, а просто исчез…

– По-моему, его забрала какая-то сила, – сказала Эм сгущающимся сумеркам. – Наверное, такой вариант мне больше нравится, бог знает почему.

– Потому что ты человек, милая, – ответил Расти Джексон. – Только и всего.

Простое объяснение полностью устроило Эмили.

В классическом фильме ужасов Пикеринг обязательно нанес бы еще один, последний удар: выбрался бы из темных вод Залива или, насквозь промокший, но живой, караулил бы Эм в стенном шкафу «Зеленого шалаша». Только она понимала: это не фильм ужасов, а жизнь, ее собственная жизнь, в которую она погрузится прямо сейчас и для начала вернется к дому из некрашеного ракушечника с ключом в коробке от пастилок «Сакретс», спрятанной под уродцем-гномом в выгоревшем (изначально красном) колпаке. Она воспользуется ключом, а еще телефоном. Первым позвонит отцу, потом в полицию, а потом, наверное, Генри. Генри ведь имеет право знать, что с ней все в порядке, верно? Хотя скоро он это право утратит, без особого, как казалось ей, сожаления.

Три пеликана спикировали на воду, потом взлетели, высматривая рыбу. Эм завороженно наблюдала, как они обретают равновесие в освещенном ярко-оранжевым солнцем воздухе. В те минуты лицом Эмили напоминала девчонку-сорванца, обожающую лазать по деревьям, только сама об этом даже не подозревала.

Птицы сложили крылья и синхронно нырнули в воду.

– Браво, пеликаны! – крикнула Эмили и зааплодировала, не жалея распухшего правого запястья.

Потом вытерла глаза, откинула волосы за спину, поднялась и зашагала к дому.

Сон Харви

Harvey's Dream

© Перевод. С. Самуйлов, 2010

Дженет поворачивается от раковины и – нате вам! – муж, с которым прожито почти тридцать лет, сидит за кухонным столом в белой майке и трусах «Биг дог» и молча на нее смотрит.

Все чаще и чаще по субботам она натыкается на этого командора Уолл-стрит здесь, в кухне, где он сидит – вот как сейчас, – ссутулившийся, с пустыми глазами, белесой щетиной на щеках, обвислой грудью за вырезом майки и торчащими волосами – будто у постаревшего и поглупевшего Альфальфы из «Маленьких негодников».

В последнее время Дженет и ее подруга Ханна частенько пугали друг дружку (как девчонки по ночам байками о привидениях) страшилками про то, что делает с людьми болезнь Альцгеймера: такой-то больше не узнает жену, такая-то не может вспомнить, как зовут детей.

Вообще-то она не верит, что эти молчаливые субботние «явления» и есть на самом деле ранние симптомы жуткой болезни. По будням Харви Стивенс уже без четверти семь свеж, подтянут и рвется в бой: шестидесятилетний – а в костюме ему больше пятидесяти… ладно, больше пятидесяти четырех и не дашь – бодрячок, получше многих умеющий и провернуть выгодную сделку, и купить с маржей, и сыграть на понижение.

Нет, думает она, Харви всего лишь примеряется к старости, и ей эти примерки не по душе. Дженет боится, что когда муж выйдет на пенсию, таким станет каждое утро: он будет вот так сидеть, пока она не подаст стакан сока и не спросит, старательно и безуспешно скрывая накапливающееся раздражение, желает ли он хлопья или только тост. Дженет боится, что, отвлекаясь от дел, будет каждый раз вздрагивать, видя Харви у бара в полосе яркого света, в майке и трусах, расставившего ноги, выставившего напоказ съежившийся пенис и пожелтевшие мозоли на пальцах, неизменно вызывающие в памяти «Императора мороженого» Уоллеса Стивенса. Боится, что он навсегда останется молчаливым и тупо сосредоточенным, а не свежим и бодрым, настроенным на деловой лад.

И все-таки Дженет надеется, что ошибается. От таких мыслей жизнь кажется пустой и бессмысленной. Разве все было ради этого? Разве ради этого они растили и выдали замуж трех дочерей, терпели неизбежный для среднего возраста роман Харви, работали и, что скрывать, иногда урывали кое-что для себя? А если, продравшись сквозь тернии, ты оказываешься… оказываешься на такой вот посадочной площадке, то возникает вопрос: почему?

Ответ прост. Потому что ты не знала, чем все кончится. Ты шла, стараясь не замечать мелкого вранья и обмана, и при этом упорно цеплялась за большую ложь, согласно которой жизнь имеет смысл. Ты хранила альбом, в котором твои девочки оставались юными, хранительницами твоих надежд: вот Триша, старшая, в островерхой шляпе мага машет обмотанной фольгой волшебной палочкой над головой кокер-спаниеля Тима; вот Дженна застыла в прыжке через фонтанчик спринклера – ее слабость к наркотикам, кредиткам и мужчинам постарше еще не дала всходов, – а вот и Стефани, младшенькая, на окружном соревновании по орфографии, где она споткнулась о «канталупу». На большинстве снимков, обычно на заднем фоне, присутствуют и они – Дженет и тот, за кого она вышла замуж, – всегда улыбающиеся, будто позируя неулыбчивым, ты преступаешь закон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.